

*«Некогда была я твоей царицей,
ныне же — горькая пленница!
Звали меня раньше госпожой всего царства Казанского,
ныне же я — жалкая и нищая рабыня!
И за радость, и за веселие обрушились на меня
плач и горькие слезы, а за царские мои утехи
охватили меня горькие обиды и тяжкие беды,
так что и плакать я не могу,
ибо ослепли глаза мои от безмерных слёз моих,
и пресёкся голос мой от долгого рыдания моего»*

***Плач Царицы Сююмбике на могиле мужа
Сафа-Гирея, Летопись «Казанская история»,
глава 38***

Февраль 1550 года... Войско шло на восток... Зимние переходы были тяжёлыми. Беспонечные красные стрелецкие кафтаны, бердыши и пищали наперевес, русские всадники в блестящих латах, лошади, тянущие и везущие в санях пушки различных калибров, большой обоз, пеший и на санях. Полки огненного боя, иноземные ратники, знаменитая русская артиллерия, военные инженеры из немцев, шведов и англичан. В авангарде воинской колонны шла татарская конница хана Шигалея, пришедшая с Касимовского улуса. С Шигалеем в поход выступил молодой царевич Астраханского ханства Едигер. Вчерашние противники, русские и татары объединились, чтобы привести Казанское ханство к покорности в угоду новому центру силы — Московскому царству. Величественная процессия растянулась на многие вёрсты. Впереди, во главе войска, полулёжа в санях, ехал царь московитов Иван Васильевич IV. Это был второй поход молодого царя на Казань. Первый успехом не увенчался, и царь из-за недомогания был вынужден вернуться в Москву с полпути, с Нижнего Новгорода. Русское войско тогда дошло до Казани с потерями, потопив часть обоза и артиллерии при переправе через Волгу. Подойдя к крепостным стенам, стрельцы завязали с казанцами бой, в результате чего казанское войско отступило в Кремль, однако сил на штурм стен из тёсаного дуба у русских полков не было, и они вынуждены были убраться ни с чем. И вот, второй поход юного амбициозного царя, спланированный и подготовленный воеводами...

Рядом с царскими санями на вороном скакуне, не торопясь, гарцевал ближайший сподвижник и помощник царя, стольник князь Андрей Курбский. Молодой задор князя Андрея, его улыбочка и лёгкий нрав передавались участникам колонны, всем, кто видел гарцующего на коне всадника.

— Скажи-ка мне, Андрейка, а почто татары нас не любят? — спросил царь.

Курбский улыбнулся.

— А за что же им любить-то нас, Великий Государь? Мы же в прошлом данники их, почитай, холопы. Как господин бывшего холопа любить-то будет? Когда Орда владела Русью, они и дань с нас собирали, и князей наших на престолы ставили, ярлыки выдавали на княжение, и с походами военными к нам приходили бессчётное количество раз, разоряли, жгли города и деревни... Мастеровых людей в Орду угоняли. А уж девок наших сколько перепортили, в полон увели... А теперь мы войной идём на них. За что же нас любить-то?

— А османы, союзники казанские, как? Не подговаривают татар супротив нас?

— Османы далеко, Государь, не могут они напрямую в наших делах участвовать, и это нам на руку. Крым по эту сторону моря Чёрного, поэтому крымцы время от времени к нам навдываются, и на Казань влияют сильно. А вот османы никак войско не пришлют, только могут оружием татарам помогать да зубами клацать от злости. Руки у них коротки. Да и Поле Дикое меж нами. Там донцы, как ни крути, хоть и лихие, отчаянные людишки, разбойнички, но союзники наши против крымского хана.

Царь Иван ненадолго замолчал, задумался, затем продолжил разговор с князем.

— Хочу я, Андрей, границы державы нашей расширить. Новые земли Руси нужны. На Запад особо не попрёшь, ливонцы сильны, войско у них хорошее...Ляхи, тевтоны

ливонцев поддерживают...Оружия вдоволь, пищали, пушки...Воюем вон за Юрьев, Дерпт по-ихнему, городок-то махонький, то к нам он перейдёт, то к ливонцам, того и гляди, придётся границу посередь города ставить... Потому, думаю, сподручнее двигаться на Восток. Казанское ханство Руси очень нужно. Казань богата, всего в этой стороне много: и лес, и зверьё, и земли плодородные, народ смышлёный, мастеровитый. Хитроваты, правда, татары, но что ж поделаться. Зато хозяева крепкие. Реки здесь, опять же, сливаются, Волга с Камой, через Каму в Сибирские земли попасть можно. Никак нельзя нам без Казани! Места здесь райские, реки, дубравы, леса со степью соединяются, широко всё, просторно! То татары к нам войной приходили, теперь мы на них идём!

Князь Андрей нахмурился, улыбка сошла с безусого лица.

— Я думаю, Великий Государь. Хоть Орда и во время деда Вашего, Ивана Великого, распалась, Казань по-прежнему сильна. Казанцы чтят традиции Орды, почитай, все земли наши порубежные разорили, грабят, жгут, полонян уводят, набег за набегом. Если так пойдёт дело, скоро в Москву придут! А Московское княжество растёт, мы земли новые воюем, ливонцев, шведов тесним на Западе, с юга от крымчан отбиваемся, как можем. Нам расширяться надо, владения наши укреплять, люд московский поднимать, веру православную укоренять в новых землях. Здесь, на Востоке, на Волге-матушке, либо мы их, либо они нас, прочего не дано...

— Так миром хотел присоединить я их, князь Андрей, миром... Для этого и ставили мы казанцам на престол касимовцев, сперва хана Эналея, потом брата его, Шигалея. Касимовцы-то союзники наши. Сто лет уже живут своим уделом под Рязанью, со времён Касима-царевича. Много служилых татар в нашем войске, воюют хорошо. Я-то думал, мирно под нас Казань пойдёт. А они, видишь, не хотят. Эналея убили, Шигалея выгнали, другого хана им против Руси надобно.

Прискакал воевода князь Михайло Воротынский.

— Государь-Батюшка, дело к вечеру, дозволь привал войску. С утра пораньше в путь выступим, а сейчас бы отдохнуть надо, обогреться на морозе.

— Хорошо, позволяю. Разбейте мой походный шатёр. Андрейка, ты организуй привал нам, собирай всё начальство ко мне вечерять, поговорим, как Державу нашу будем строить. Воевод позови с собой, Воротынских братьев, Петра Ивановича Шуйского, Василия Серебряного, Салтыкова, Бельского, Нагого, да татарских князей, скажи, царь зовёт...

— Хорошо, всем передам, Великий Государь. Брата твоего Юрия Васильевича¹ звать?

— Его не надо, немой он, посоветовать не сможет ничего, только повздыхает в сторонке. Отдыхает пусть в походе!

— Будет сделано, Государь!

* * *

В спальне ханского дворца в казанском Кремле горели свечи. Казанская царица Сююмбике укладывала спать малолетнего сына Утямыша. Чернявый малыш, обняв перед сном маму, безмятежно засыпал на ложе из шелков, подушек и одеял. Сююмбике гладила сына: «Спи, мой кудрявый малыш, пока живёшь под маминым присмотром, пусть твой крепкий сон ничто не потревожит». Маленькие дети живут беззаботно, их не одолевают страхи за будущее. Но на душе у самой царицы было беспокойно. С Руси шли вести, что молодой царь Иван собирается в очередной поход на Казань. Сююмбике, пятая жена покойного казанского хана Сафа-Гирея, силою случая стала править в Казани, и царствование добавило ханше забот в жизни. Надо было заботиться о казанском люде, разрешать торговые споры, вершить правосудие, поддерживать Веру — исламское духовенство, собирать налоги, отстраивать мечети и общественные здания, вести приём жителей, и во всем этом требовалось непосредственное участие новой правительницы. Постоянные споры с приближёнными, со знатными, родовитыми татарскими вельможами, входящими в Казанский Диван², дворцовые хитросплетения, дипломатическая переписка с иноземными государствами, дальними и ближними, занимали много времени. «Всё-таки власть — не женское дело. Был бы жив мой муж, хан Сафа-Гирей, дела бы шли лучше, была бы мужская спина, за которую можно спрятаться. А так, от хана остался маленький сын, наследник, о котором ещё столько заботы. И что,

¹ Юрий (Георгий) Васильевич, князь Углицкий (1532–1563) — младший брат Ивана Грозного, глухонемой от рождения, участвовал во Втором Казанском походе

² Диван — высший орган исполнительной власти в исламских государствах

что нас ждёт в будущем? Сумею ли я вырастить сына, воспитать его мудрым правителем, хорошим отцом и мужем, увидеть его зрелость, его свадьбу, его детей, или же нам придётся пасть жертвой заговора, дворцовых интриг? Лязгают зубы у соседей на Казанское ханство, на земли плодородные, лесные да речные дары! Богатая, щедрая Казань похожа на сундук при дороге, каждый норовит в него заглянуть», — такие не-весёлые мысли посетили казанскую царицу зимним вечером.

В ханские покои заглянул карач-бий, визирь¹ царицы Нурали-Ширин:

— К Вам можно, Госпожа?

— Заходи. С чем пожаловал в столь поздний час?

— Тревожные вести с Московии, Госпожа! Царь урусутов Иван собрал большое войско и движется к Казани. С ним стрельцы, касимовские и астраханские татары. В войске есть иноземные наёмники, пищальники, пушкарники и мастера взрывного дела. Я подумал, Вы должны знать об этом, Госпожа!

Сююмбике задумалась. Вот-вот, тревожные мысли подтверждаются. Тяжела ты, царская доля, многие заботы и многие беды! Помолчав, спросила:

— Как давно они вышли из Москвы?

— Двадцать дней, Госпожа! Сейчас они на полпути, войско прошло Нижний Новгород.

— Скольких их?

— Доподлинно неизвестно, тысяч пятьдесят, не меньше...

— Собери мне утром всех военачальников, духовенство, казанских купцов и оружейников. Будем думать, как от москвитов отбиваться.

— Слушаюсь, Госпожа! — Советник с поклоном вышел из ханских покоев.

* * *

Вечером в шатре у царя Ивана накрыли стол. За вечерней не было роскошных яств, золотой и серебряной посуды, как и подобает в походе, еда подавалась в глиняных чашках. Молодой царь почти не выпивал и не любил, когда выпивают другие, поэтому приглашённые понимали, что будет серьёзный разговор, и наливали медовуху себе символически.

Гости сидели тихо. Иван во главе стола обвёл взором присутствующих. Взгляд с хищным прищуром голубых глаз царя с юных лет внушал благоговейный ужас приближённым, поэтому многие старались не смотреть ему в глаза, смотрели на стол, на ноги, на соседей, в сторону, но не на Ивана Васильевича

Царь молвил:

— Ну, начинайте разговор, дорогие мои советники, что ж молчать-то... Не для молчанок собрались... Расскажите мне о ханше Сююмбике, какая она?

Слово взял Михайло Воротынский, опытный ратник, воевода стрелецкого полка левой руки. Человек неторопливый и основательный, он неспешно, но обстоятельно повёл свой рассказ:

— Дозволь слово молвить, Государь! Жизнь её не баловала. Зовут её Сююн, родом она из Ногайской Орды, дочь тамошнего беклярбека² Юсуфа. Мать умерла рано. За-муж отдали её в 14 лет. Первый муж Сююн, казанский хан из касимовцев, Эналей, тоже молод был, когда женился, семнадцать годков ему было. Может, из-за этого брак

¹ Карач-бий — главное княжеское сословие у татар, визирь — первый министр

² Беклярбек — руководитель государственной администрации в Ногайской Орде, должность схожа с современным премьер-министром

их не сложился, молоды уж больно были, не готовы к семейной жизни, а может, другая зазноба у него на сердце лежала. Не любил свою супругу Эналей, даже поколачивал, Сююмбике на него жаловалась постоянно в Орду, просила отца забрать её домой. Но тот упёрся, вышла замуж — живи. В первом браке детей у неё не было. Эналей был наш ставленник, его заговорщики убили. В заговоре Сююн не участвовала, без неё всё решили мурзы да согладатаи. Тогда вышла она замуж за нового казанского хана Сафа-Гирея, ставленника крымчан. От второго мужа сын родился, маленький Утямыш-Гирей. Второго мужа Сююн любила сильно, хотя и была пятой женой. Счастливы они были, но недолго. Убился он, неудачно упал во дворце, почему, как и что произошло, точно никто не знает. И среди первых четырёх жён не нашлось той, которая взшла бы на престол казанский, никто не согласился, только Сююн с сыном старшего сына Сафа-Гирея, первого наследника по праву, калгу, по-ихнему, Булюка, крымский хан от себя не отпустил, вот и пал выбор на мальчика. Царевича Утямыша, значит, на трон, а она при нём опекунша. Трудно ей, правит ханством как может, через советников, военачальников дела все решает. Управляется справедливо, любит её народ казанский, называет Сююмбике — «Доброй госпожой». Из знати толком её никто не поддерживает, одна она, как дерево в чистом поле. В сыне души не чаёт. Красивая, правда... Я в Нижнем на ярмарке был, портрет её видел, генуэзец-купец продавал на торжище. По вере басурманской нельзя портреты рисовать, но купцы сами намалевали, видно, умелец середь них был. Тёмленькая, худенькая, очи большие, брови вразлёт, уста коралловые, всё при ней.

Царь слегка улыбнулся:

— Портрет, говоришь... Ну, намалевать-то любой портрет ничего не стоит. Художники-мастера есть, нарисуют так, что хоть в палатах вешай, хоть в храм неси. А что насчёт сношений казанцев с крымцами, с османами? Лезут они в казанские дела?

Слово взял боярин Федор Нагой, прозванный Немым за молчаливость. Нагой был близок к касимовским татарам, поэтому все слухи о тайных союзах, переписке и внешних сношениях в Степи доходили до него одним из первых. Говорил он редко, но по делу. Все присутствующие слушали внимательно:

— Государь, Сафа-Гирей, покойный муж царицы казанской, был ставленником крымчан, гвардия при нём крымская в Казань пришла. Конечно, влияют крымцы на Казань, а через крымцев — османы. Письма султан присылает в Казань, что, де, поддержка от Цареграда¹ будет Казани против русских и иных врагов. Но султан — копьё, а остриё — крымцы, они здесь, на месте его волно творят, да и от себя к османской воле прибавляют немало. В походах казанцев против Руси крымцы первые. Вояки лихие, жестокие... Пугают всех соседей султаном турецким. Мечтают о возрождении Орды, Великого Улуса, чтоб столица здесь была.

— Да, дела творятся вокруг Казани, — молвил царь. — Орду хотят возродить! Мы тоже хотим, но православную державу со столицей в Москве!.. А может, с другой стороны зайдём? Значит, хороша ханша? Тёмленькая, говорите? Может, жениться на ней?

Нагой улыбнулся:

— Великий Государь, на басурманке-то? Как можно? Народ православный, Русь тебя не поймёт. Да и женат ты на Государыне нашей, Анастасии Романовне². Любят люди русские нашу царицу...

— А мы в православие Сююмбике окрестим. У нас вон в Касимове татары православие принимают, и ничего, был Юсуф, стал Юрий. Если для государева дела это нужно... В самой Казани есть сочувствующие нам. Многих не вера заботит, а мощна, особенно людей торговых. Купцам да вельможам лишь бы барыш шёл, любому богу

¹ Цареград — византийское название современного Стамбула

² Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева (1530—1560) — первая жена Ивана Васильевича Грозного

будут молиться. Да чтобы податей поменьше было...А жена, Анастасия Романовна? Ну, не знаю даже... Для государева дела, может, и терпит...

Нагой мягко возразил:

— Но, Государь Иван Васильевич, ханшу ещё надо спросить, согласится ли?

Царь шутя, с полуулыбкой обратился к касимовскому хану Шигалею:

— Как думаешь, хан Шигалей, согласится Сююмбике веру поменять на православную?

Грузный Шигалей, хан касимовских татар, насутился, зная, что шутить с царём надо осторожно, вспльчивый характер Ивана Васильевича мог вмиг переменить благодушное настроение на гнев.

— Не знаю, Великий Государь, веру менять — грех большой.

— А ты бы согласился?

— Я бы не согласился, Великий Государь!

— А если под пыткой? — настаивал Иван Васильевич.

— Нет, Великий Государь!

— А если голову с тебя снять? — Со смехом молвил царь.

Шигалей помрачнел ещё больше.

— Не вводи во грех, Великий Государь! Здесь ты правитель, а на том свете Аллах с меня спросит. Пророк Мухаммад, мир ему и хвала во веки веков, завещал хранить веру отцов. Не мы нашу веру принимали, не нам и отказываться.

— А ты что думаешь насчёт веры, царевич Едигер? — Иван обратился к молодому астраханскому царевичу. Тот потупился, спрятал глаза от хищного царского взора и смущённо молчал.

— Молод он ещё, Государь, на такие вопросы отвечать, — заступился за царевича Шигалей.

— Что ж, прав ты, хан Шигалей! Значит, будем и люд татарский под корону царскую принимать, были подданные христиане, будут подданные мусульмане! Эх, не удержался ты на троне казанском, как мы тебя поставили! Без войны бы сейчас всё дело обошлось! В западных землях вон католики под нас идут, ихний папа возмущается, ну и что? Достать нас у него руки коротки, новый Крестовый поход на нас послать не может. Сами с усами, ведём род свой от базилевсов римских да константинопольских, да от Мамая-темника. Всех примем под свою корону. Если идут к Руси люди, все будут наши, лишь бы работающие были и не разбойники. Соберём и расширим владения русские. А начнём с Казани... Ну-ка, господа-начальники, воеводы да князья, устройте мне встречу с ханшей...

— Где устроить встречу, Великий Государь? — спросил Курбский.

— Да хоть в этом шатре походном, князь Андрей! Прежде чем кровь лить, поговорить надо... Может, без войны, без убийства обойдёмся. Ну да ладно, давайте о делах мирских, не государственных. Пейте, ешьте, гости дорогие, чем Бог послал. В походе голодным оставаться нельзя, иначе как воевать-то? Брюхо к спине прилипнет...

— Это точно, Государь! Голодное брюхо к сражению глухо, — на свой лад переиначив пословицу, весело отозвался Курбский.

* * *

Наутро во дворце у Сююмбике, в тронном зале на Совет собрались глава казанского духовенства сеид¹ Кул Шариф, визирь Нурали-Ширин, военачальник Казани,

¹ Сеид — почётный титул у мусульман для потомков Пророка Мухаммеда через его дочь Фатиму и внука Хусейна. Сеиды считаются одними из главных представителей идей ислама

предводитель крымской гвардии оглан¹ Кушак. Все были встревожены, но держались мужественно, не показывая своих сомнений. Купцы, торгующие провиантом, и оружейники, кого успели предупредить, стояли рядом с ханским дворцом, войти их не пригласили. Собравшиеся представители знати тихо переговаривались, небольшой гул стоял над толпой. По-видимому, слухи, тайные вести о походе москвитов дошли до всех. В зале царица села на трон, но мужчины продолжили почтительно стоять.

— Я собрала вас здесь, правители Казани, чтобы сообщить, что царь урусуты Иван с пятидесятьютысячным войском движется в нашу сторону и уже прошёл Нижний Новгород. По всей видимости, будут осаждать город. Какие будут мнения?

Из присутствующих на Совете никто не удивился. «Дурные вести распространяются быстро! Уже всё знают мои приближённые», — подумала царица. Но слово брать никто не спешил, все как бы обдумывали услышанное. Наконец заговорил Нурали-Ширин:

— Госпожа, город готов к осаде. Наши закрома полны, в городе достаточно хлеба и мяса, народ казанский в случае войны весь встанет на защиту Вашей власти...

— Врага хорошо бить, когда он слаб... Но царь Иван силён, воинов-то у него больше. Сколько людей мы можем поставить в строй? — спросила царица.

Слово взял оглан Кушак.

— Пятнадцать тысяч, госпожа... И ещё крымчане, тысяча воинов. Больше нам не собрать, не прокормить.

— Пятнадцать и пятьдесят тысяч — разные армии. У царя Ивана пушки, мастера взрывного дела из иностранцев, шведы да немцы, башни осадные... И бывший родственник мой, хан Шигалей, татар с Касимова на нас ведёт, три тысячи всадников у него. Вооружены урусуты лучше, пищали у них, пушки, у нас-то ружей мало. В основном луки, сабли да кинжалы... Что делать будем, дорогие советники?

В разговор вмешался сеид Кул-Шариф.

— На все воля Аллаха, Господа миров! В моем медресе больше восьмисот мюридов, всех их выведу на стены в случае битвы. Госпожа, давай вручим наши судьбы в руки Провидения. Не оставит Великий Аллах своих преданных слуг, пошлёт нам победу над войском москвитов во главе с их неверным царём.

Царица замолчала, словно не решаясь произнести свои мысли вслух. Затем выдала из себя:

— А может, переговоры, если урусуты предложат? Рассмотреть их условия для мира... Что скажет мой визирь?

— Не знаю, Госпожа... Надо царя Ивана сперва послушать, — уклончиво молвил Нурали-Ширин.

«Хитрит... Осторожный лис», — подумала царица.

Кул-Шариф вновь взял слово:

— Как можно, Госпожа? Какие переговоры с неверными? Мы наследуем Золотой Орде, а Русь всегда под ханами была, князя за ярлык в Орде дрались, воинов наших брали в союзники при междоусобице, в походах на братьев своих. Иногда русские князя месяцами в Орде жили, у порога наших юрт ночевали, к хану на приём попасть не могли. Отобьёмся, Госпожа... Какие переговоры с урусутами? С их жестоким царём? Я не согласен... Да и народ казанский нас не поймёт.

Слова казанской царицы задели главу духовенства, вывели его на яростный монолог. Глаза его сверкали, кулаки были сжаты, зелёная чалма сеида вздрагивала в такт его гневным словам.

Царица возразила:

¹ Огланы — сословие татарских военачальников из рода чингизидов

— Да, уважаемый Кул-Шариф, на все Воля Аллаха, Господа миров... Но урусутов больше, вооружены они лучше... А как народ казанский погубим, подведём под пицали да бердыши? Это народ поймёт? Простит нам, что мы в сечу его бросим?

Сеид нахмурился, было видно, что ответ царицы ему не понравился.

— Госпожа, давай послушаем царя Ивана, что он скажет. Предложит ли переговоры или сразу на штурм пойдёт... А потом уже и будем решать, что делать нам, — вновь вмешался в диалог визирь Нурали-Ширин.

Кушак хмуро молчал. «Он-то реально знает силу казанскую, насколько способны мы сегодня на битвы ратные, — подумала царица, глядя на своего военачальника. — Было бы у меня триста тысяч воинов, как в Орде Золотой, у хана Бату... Но времена нынче не те, такой армии у меня нет».

— Ладно, на этом и остановимся... Собирайте наши силы... Будем ждать царя Ивана, с чем он пожалует на нашу землю... На всякий случай готовьтесь к осаде, купцам да оружейникам заказы дайте, провизию и оружие запасайте, факелов наделайте, смолы натопите — стены оборонять. Совет окончен, идите!

Присутствующие на Совете с поклоном удалились.

«Женщина, пусть даже умная, красивая, но женщина... Пришлая степная татарка командует нами, всей знатью, всем людом казанским, — мелькнула мысль в голове у визиря Нурали-Ширина, когда он выходил из тронного зала. — Дожили!!!»

* * *

Февральское утро выдалось хмурым и слякотным. Русские войска уже несколько дней стояли походным лагерем около Казани. Воеводы скомандовали построение, и людская масса быстро зашевелилась, люди в красных кафтанах и блестящих латах забегали, заскакали кони, лагерь, как большой муравейник, пришёл в движение.

Посреди поля, на некотором удалении от крепостной стены Казанского Кремля был разбит походный царский шатёр, куда царь урусутов Иван Васильевич пригласил царицу Сююмбике на переговоры.

Царица вышла из Больших городских ворот в сопровождении Кул Шарифа, оглана Кушака, Нурали-Ширина. По условиям переговоров делегация была безоружна. Впереди делегации знаменосец нёс стяг Казанского ханства, на котором был изображён мифический крылатый змей Зилант, позади делегации семенял ногами шустрый толмач из торговых людей. Со стороны городской стены вход в шатёр был открыт, приглашая делегацию войти. Со стороны русских войск вход в шатёр был также открыт, и царь Иван пошёл к шатру от стрелецких рядов в сопровождении Андрея Курбского, Михайла Воротынского, Фёдора Нагого, Шигалея и астраханского царевича Едигера, у которых оружия также не было. Впереди делегации также шёл знаменосец, на стяге Ивана был изображён Спас Нерукотворный. Делегации практически одновременно вошли в шатёр, лишь знаменосцы казанцев и русских остались на улице с двух сторон от шатра.

Посреди шатра стоял большой обеденный стол, разделяя присутствующих. Стульев и угощений не было, значит, переговоры будут короткими.

Царь посмотрел на Сююмбике. В отличие от молодого двадцатилетнего Ивана Васильевича это была молодая женщина в расцвете сил, одетая в синюю стёганую шубу с меховой накидкой сверху, привлекающая своей «взрослой» красотой, мягкостью, выразительностью, зрелостью форм и жестов. Тёмная, стройная, среднего роста, брови как нарисованные, немного выпирающие скулы, чуть острый нос... Умные карие глаза смотрели испуганно, тревожно, в движениях царицы чувствовалось

внутреннее напряжение. «Действительно, красивая ханша, прямо картинка», — подумал Иван и вкрадчиво произнёс:

— Ну, здравствуй, Госпожа Царица Казанская! Вот, собрались мы со товарищи в гости к тебе! Как встретишь нас, матушка, на земле Казанской? Как гостей дорогих или как разбойников? Хлебом-солью или саблей булатною?

Толмач быстро заговорил на татарском.

Царица сердито ответила:

— Будет тебе шутки шутить, Царь Иван! В гости с войском не ходят... Говори, за чем звал!

— Уж больно скоро ты, Госпожа Царица! Да и не до шуток мне сегодня... А если серьёзно — нужна мне Казань, под свою десницу хочу взять края эти... Пойдём под русскую корону, Госпожа... Сдай город, признай власть мою над Казанью... Будешь первую княгиней на Руси, на пирах моих сидеть будешь справа от меня, служить тебе будут люди русские!

Царица сжала маленькие кулачки:

— Нет, Царь Иван, не бывать тому! Я веду свой род от ханов Золотой Орды. Вы, урусуты, под мою корону должны идти, а не я под вашу...

Иван чуть искоса, недобро взглянул на царицу:

— По Промыслу Божьему, времена меняются, Госпожа. Ране вы владели, ныне мы владеем... Я и сам права на трон казанский могу предъявить! Уж если родами меряться, то я, Госпожа, сам из базилевсов, даром что ли бабка моя, Софья Палеолог, из императоров константинопольских. По матери, Елене Глинской, от темника ордынского Мамай род ведём. А по отцовой линии Рюриковичи мы. Рюрик из варягов задолго до Батыея на нашу землю пришёл...

— Времена не выбирают, царь Иван... Мамай, родственник твой, самозванцем в Золотой Орде был! Рюрик из северных земель у вас княжил и вашу династию основал, а Бату-хан вас со всеми Рюриковичами, киевскими и владимирскими, завоевал! Разница есть? И дань, и ясак¹ с вас брал, и споры решал, и наказывал, когда надо было! На все воля Аллаха, Господа миров... Сейчас Москва сильна, а забыли что ли, как данниками Золотой Орды были, как за ярлыками на княжение к ханам ездили?

— Ничего мы не забыли, Госпожа, но то время прошло! Прошло и уже не вернётся!!! — повысил голос Иван. Разговор приобрел напряжённый и непредсказуемый характер. Иван Васильевич хитро прищурился, начал злиться. Ближние знали, что вспыльчивый, импульсивный царь может сорвать переговоры. Чтобы разрядить разговор, в него вмешался князь-воевода Михайло Воротынский:

— Дозволь, Государь, слово молвить. — После кивка Ивана Васильевича он продолжил:

— А как же мирно жить-то с вами, Матушка Царица? Каждый год набеги, то от казанцев, то от крымчан, то от сородичей ваших ногайцев. Почитай, больше тридцати раз за последние годы мурзы ваши на Русь приходили. Русские люди не холопы, а рабы у вас... В наших семьях не принято из татар рабов делать, а в ваших это обыкновенно. Наследие Орды треклятое, оттуда обычай этот ведётся... Мастеровых уводите в полон, девок, парней молодых, деток малых, казните люд православный в набегах без меры... У нас в пограничные земли, в Горную сторону, к вам селиться никто не хочет, одни заставы наши стоят в чистом поле! Не можем с вами миром жить, не получается! Отпускайте пленников наших, всех до единого, отпускайте!

Оглан Кушак сжал кулаки:

¹ Дань — денежная выплата с покорённых народов, ясак — выплата в натуральной форме, например, зерном или тканью

— Отпускай, говоришь? А ты забери, воевода, если духу хватит! — «Шакал! Пёс неверный», — по-татарски добавил он, но переводчик переводить эту фразу предусмотрительно не стал.

Слово взял Андрей Курбский:

— Дозволь, Государь... Матушка Царица Казанская! А османы, а вассалы их крымцы? Султан турецкий, союзник ваш, только козни Руси и строит. Ты что же, Государыня, хочешь, чтобы османы войско сюда прислали, чтоб турок у нас под боком поселился?

Обстановка в шатре накалялась, напряжение висело в воздухе. Татарская делегация больше отмалчивалась.

Слово взял касимовский хан Шигалей. Он сказал ласковым, миролюбивым тоном:

— Государыня Сююмбике, пойдём под царя русского! Мы давно знаем друг друга, ты замужем за младшим братом моим Эналеем была! Будем мирно, ладком жить вместе. Царь Иван Васильевич надел тебе даст большой, где захочешь. Под русским царём живётся хорошо...

Царица выдавила из себя подобие презрительной насмешки:

— То-то и бежал ты, родственник мой, из Казани на Москву, хвост поджавши! Если бы не русские пищали, не сносить бы головы тебе, предатель...

Здесь уже злобно прищурился Шигалей и перешёл на татарский:

— Царица, а кого же я предал? Наш род тоже из Золотой Орды. Уже сто лет живём мы под Рязанью, у нас удел свой, веру в Аллаха храним, Пророка чтим, мир ему и благоволение... Кого же я предал, Госпожа?

Царица гневно бросила Шигалею:

— Ханов наших, наследников Чингиза и Бату, Узбяка и Тохтамыша, вот кого...

— Что он сказал? — обратился царь Иван к переводчику. Тот испуганно перевёл разговор Шигалея и царицы на русский.

Царь Иван обратился к Сююмбике:

— Матушка Царица, тогда хоть правый берег Волги нам отдай, горную сторону. Поселим туда русских людей, вместе с татарами уживаться будем, избы ставить, поля пахать...

— Ничего не отдам я тебе, Царь Иван! Ни клочка земли нашей, не бывать этому... Сможешь — забери, а не сможешь — уходи домой, на Москву!

Переговоры зашли в тупик! Все напряжённо молчали, не зная, куда повернёт воля грозного царя с могучим войском за спиной!

Слово взял царь Иван. Зловеще улыбнувшись, он изрёк:

— В общем, ни о чем не договорились мы, Государыня! У меня древний пращур был, князь Святослав Киевский!¹ Когда он шёл с дружиной в поход, предупреждал супротивника — «Иду на Вы!». Посему и я говорю тебе, Государыня — «Иду на Вы!». Завтра штурм, готовьтесь!

И, немного помолчав, добавил:

— Эх, Госпожа Царица Казанская! А ведь продадут тебя, Госпожа, вместе с сыном продадут, как мужа твоего первого, Эналея, убили предатели — заговорщики. Так что, зря ты отказываешься под Русь идти! Я бы тебя поддержал! А так — как бы хуже чего не вышло...

Ничего не ответила Сююмбике на эту фразу, только строго посмотрела на Ивана своими тёмными бездонными глазами, словно резанула молодого царя по сердцу. Через мгновение она со свитой вышла из шатра и направилась к крепостным стенам города.

¹ Святослав Игоревич — Великий князь Киевский с 945 по 972 год, сын Игоря Рюриковича и княгини Ольги, отец Владимира Святого — Крестителя Руси. Прославился как талантливый полководец

Войдя в ворота города, царица первым делом отправилась во дворец.

— Собери мне казанцев перед дворцом к вечеру, — негромко сказала она оглану Кушаку. Тот кивнул.

К вечеру на площади перед ханским дворцом собрался народ. Здесь были воины, крымская гвардия, вельможи, духовенство, ученики Кул-Шарифа, торговый и посадский люд, знатные и простые хатын-кеше¹, отроки и малые дети. Тихий гул раздавался над большой толпой, люди негромко переговаривались, лица мужчин были суровы, женщины тихо плакали. В сопровождении оглана Кушака и двух крымцев Сююмбике с сыном вышла к жителям и обратилась к ним после недолгой паузы:

— Народ мой любимый, жители Казани! К Вам обращаюсь я, ваша царица! Нечестивый царь урусутов Иван со своим большим войском стоит под нашими стенами, чтобы покорить наш славный город. С ним предатели нашего народа касимовский хан Шигалей и астраханский царевич Едигер! Сегодня утром были переговоры, где Иван предложил мне сдать Казань и пойти под десницу русского царя. Я сказала, что пока я жива, такого не будет. Царь Иван предупредил, что завтра русское войско пойдёт на штурм! Призываю вас, любимые мои жители, кто может держать в руках оружие, взойти на стены для защиты города! Деритесь саблями и копьями, у кого нет оружия — палками и кольями! Кто не может драться, старики, женщины, отроки — помогайте защитникам, пусть каждый займётся делом, направленным на оборону нашей славной Казани! Готовьте пропитание воинам, проносите на стены воду, помогайте тем, кто ранен, укройте малых детей от пушек и пищалей, успокойте их... Надеюсь на вас, жители Казани. Вместе мы отобьёмся от ненавистного урусутского войска.

— Да, да, добрая госпожа, мы будем биться! — одобрительно зашумели люди.

— Люди одобряют Ваш призыв, Госпожа! — глядя на царицу, молвил Кушак.

— Хорошо, уважаемый Кушак! Берите под своё командование оборону города, очень надеюсь на Вас! — Царица с сыном отправились в свои покои.

— Госпожа, подождите! Можно Вам сказать несколько личных слов? — Оглан догнал Сююмбике по пути во дворец.

— Что ещё, уважаемый Кушак?

— Госпожа, может, завтра будет наш последний день! Вы знаете, какие чувства я испытываю к Вам! Прошу Вас, Госпожа моего сердца, дайте мне надежду на взаимность чувств! Скажите, что Вы будете моей, если мы выживем в завтрашней схватке! Вы мне снитесь каждую ночь! Как сказал великий Саади, легче терпеть от Вас обиды, чем выносить разлуку с Вами. И мудрецы говорят: «Умерщвлять своё сердце легче, нежели оторвать взоры от лица любимой!»²

Глаза царицы увлажнились, потеплели, но тон её по-прежнему был строгим.

— Ты знаешь, Кушак, падишахом моего сердца был мой муж Сафа-Гирей! Никого не любила я так, как мужа своего, ни с кем мне не было так хорошо! Я была чиста перед ним при его жизни и храню ему верность после смерти. Я в трауре по нему до сих пор, до сих пор я оплакиваю свою потерю...

Оглан Кушак мягко возразил царице:

— Но, моя Госпожа, я прошу Вас лишь о милости, о надежде! Если Аллах пошлёт мне завтра смерть, я умру с Вашим именем на устах!

Царица была непреклонна:

¹ Хатын-кеше — женщина

² Саади. Гулистан. Глава 5. «О любви и молодости»

— Пусть сперва всё закончится, а потом мы поговорим, дорогой оглан! Сейчас не лучшее время для чувств! Враг стоит у ворот наших! Командуйте обороной города, уважаемый оглан!

— Слушаюсь, Госпожа! — Кушак кивнул головой и пошёл прочь, по направлению к крепостным стенам.

* * *

Молодой царь готовился ко сну, лёг в шатре на перине, укрылся двумя выделанными медвежьими шкурами, приспособленными под одеяло. Холодно в походе спать зимними ночами, но перины для царя в обозе были приготовлены. С царём в шатре, на соседней лежанке, расположился верный друг его, Андрейка Курбский. Сон не шёл, лезли мысли всякие в голову. Непокорные татары... Как упёрлись они, не своротишь! Иван Васильевич задумался и вспомнил свою встречу с московским юродивым Василием, прозванным Блаженным. Как там сейчас его любимый Вася, опять босым ходит по московскому снегу? Опять воров да злодеев обличает, бьют его, гонят люди богатые? Бедному-то что на правду обижаться, у него, кроме рубахи, штанов да креста на груди, ничего и нет. А вот богатые обижаются, злобу таят, мстят за правду-матушку, гонят людей праведных, казнят их или бьют чем попадя...

— А сам-то ты, царь, не обижаешься на праведников? За обличения, за слова дерзкие людей не казнишь? — Сам себе задал вопрос самодержец.

— И обижаюсь, и казню... Но такая уж наша царская доля, без строгости к поданным никак нельзя... И языки на привязи должны быть у людишек, — ответил царь Иван внутреннему голосу.

* * *

Была весна 1549 года, недели Великого поста. Ближе к полудню царь в сопровождении двух стрельцов шёл по деревянному настилу, лежащему на Красной площади. Весеннее солнышко пригревало освободившуюся от снега почву, то там, то сям пели весенние птицы, весело чирикали воробьи, верещали сороки, грачи, прилетевшие с юга, облепляли верхушки деревьев. Земля просыпалась. Около Кремлёвской стены на солнышке, на деревянных досках, нежась после зимних холодов, сидел старенький юродивый Василий. Он был полуодет, на нем были шаровары, вернее, то, что когда-то называлось шароварами, а сейчас это были оборванные лохмотья. Голый костлявый торс, торчащие ключицы, сухие жилистые руки, всклокоченная борода, лохмы волос, блестящие, с искринкой, глаза... Босые ноги были стёрты от постоянной ходьбы, кое-где на ногах были небольшие язвы. В первый раз, видя Блаженного Василия, можно было испугаться... Но горожане не боялись Васю, зная, что не было на Москве существа более безобидного и доброго, более доверчивого и незлобивого, чем юродивый Василий. У царя Блаженный был в большом почёте, так как застал ещё деда Иванова, князя Ивана III и бабу, княгиню Софью Палеолог. Кроме того, царь считал юродивого прозорливым, «ведающим сердца человеческие», и из-за этого немного побаивался его. Бог велел хранить нищих как своих друзей, вот и царь Иван хранил, как мог, своего любимого святого, опекал его, угощения и шубы присылал, только Василий всё не брал гостинцы государевы.

— Ну, здравствуй, Вася мой любимый! — Царь подошёл к блаженному, погладил его по голове. — Что, сидишь, греешься?

— И ты здравствуй, царь Ванюша! Вот, из церкви, со Сретинки, пришёл. Греюсь, косточки мои старые уже, вот и радуются солнышку. — Говор у Василия был быстрый, он немного пришепёвывал, не выговаривал окончания слов, поэтому блаженного надо было слушать внимательно, вдумываться в каждую фразу.

— Здоров ли ты, Вася? Не обижает ли кто тебя, не обманывает? Ты только скажи, Вася, вмиг дознание учиню.

— Здоров, слава Богу. Не обижают, Государь. Да и как обидишь-то, когда все знают, что заступник мой недалече.

— Конечно, недалече, Вася, рядом я, за стеной белокаменной. Шумни мне, вмиг примчусь.

Блаженный Василий улыбнулся:

— Да не ты, Государь, заступник у меня, а Господь Бог наш, а он везде. Видишь весну, травку, птичек, пчёл — это все Бог. Он за всем смотрит... Он и в холод меня спасает, и от зноя укрывает, и лихим людям в обиду не даёт, и сейчас солнышко мне посылает тёплое.

Царь покачал головой:

— Бог, говоришь... Да, на земле царь, на небе Бог. Там, где царь недоглядит, там Бог всё управит. Дай, посижу я с тобой, вот, шубу нам под седалище. — Царь скинул шубу, сделал жест охране, и стрельцы отошли в сторонку. Сам присел рядом с юродивым, прислонился спиной к стене. — Хорошо с тобой, привольно, друг мой драгоценный! Вася, а пошли жить ко мне в Кремль!

— В Кремль? — Юродивый почесал бороду, наморщил лоб, вопрос его озадачил. — Это как же?

— Светёлку тебе выделю, будешь есть-пить в Кремле, спать на перинах, в праздники у всех будешь первый гость.

— Нет, Надёжа-Государь, это нам без надобности, — отмахнулся юродивый.

— А как же ты хочешь жить? — настала очередь царя нахмурить брови.

— А как живу, так и хочу жить дальше. Богу служить, с людьми общаться, не бояться ничего. У тебя в палатах страху много для человека, кто не так посмотрел, кто не то сказал, не то состряпал, не так перину постелил. Сразу набегает ябеды на наущники, выслуживаться да жаловаться. А я вольно живу, никого не боюсь, и никого надо мной, кроме Бога и Пресвятой Богородицы..

— Да, прав ты, Вася, страху и подлости в царских хоромах много, есть и предатели, и супротивники, и отравители, да и дураки встречаются, всех полно, как на Ковчеге Ноевом¹. И не распознаешь всех сразу, многие таятся, угодить стараются, да так ловко, что не поймёшь, что у человека на уме...А скажи мне, Божий человек, видишь ли ты будущее моё?

— Будущее? Вижу, Ванюша, вижу...

— Ну и какое оно, моё будущее, расскажи. Что мне предстоит сделать в жизни, хорошим ли государём я буду? Народ православный любить меня будет?

— Скажу, Государь, но не знаю, как... Не обрадуешься ты моим словам...

— Да говори уже! Лучше я тебя, Божьего человека спрошу. Не к ведуньям же идти, ворожба — грех для православного царя.

— Царствовать ты будешь долго, Ванюша, державу нашу укрепишь, расширишь пределы её, до морей студёных на севере, до восхода Солнца на востоке. Смуту на Руси изничтожишь, татар воевать пойдёшь...Волга-матушка русской рекой станет,

¹ Ной (в исламе Нух) — ветхозаветный пророк, построил ковчег во времена Великого Потопа, собрал на нём людей и животных, тем самым спас их от смерти. Царь Иван Васильевич хорошо знал Священное Писание, мог цитировать на память большие отрывки

крепостей, застав на ней понастроишь. Потом людей своих в землю Сибирскую пошлешь, и там они подымут стяг твой. А вот в семье не будет счастья у тебя, женат будешь много раз, жён, деток будешь хоронить...

Царь задумался:

— Хоронить, Вася, это плохо. Хоронить всегда плохо, особенно деток. А ещё что видишь?

— После смерти поносить тебя будут, царь Ванюша, скажут, жестокий был, кровавый, народу извёл много. Казнил, пытал людей православных, головы им рубил... Войско по Руси будет носиться чёрное, псы царёвы... Будут и те, кто имя твоё проклянет при жизни, предаст анафеме. Смута будет после тебя великая, ливонцы, ляхи налетят на нас, бояре-предатели переметнутся, под них пойдут. Мучать будут народ православный. Голод Господь пошлёт на землю русскую, неурожай, сперва холод, потом — засуху. Много лет будем жить в смятении. Отобьёмся через веру нашу и большую кровь.

После этих слов царь помрачнел, запустил руку в свои русые волосы, потом отёр лицо, как бы умываясь.

— Кто же сказал тебе это, Вася мой любимый?

— Сам же говоришь, на земле царь, на небе Бог. Вот Господь Бог наш и показал.

— А что же делать, Вася? Как судьбы тяжёлой избежать, как деток не хоронить, народ не казнить, как после смерти своей проклятым не быть?

— Не избежишь ты судьбы, Ванюша, всё в нашей жизни по Промыслу Божию. Крепись, молодой царь, и терпи! Зато державу построишь нашу, такую, какую во всём свете не видывали! Всего-то у нас будет много, и леса, и хлеба, и зверя всякого, только начальства государевы будут злые, народ любить не будут. Злые да продажные, все на границу будут смотреть... Не избежишь ты судьбы своей, Ванюша... Молись больше, к Сергию Святому в Лавру сходи, поклонись ему, может, и он тебе что откроет. Столп это Земли Русской! Великий святой, нет равных ему!

— Схожу, Вася, сам собирался. Помолись за меня, Божий человек, может, облегчит Господь судьбу мою, — царь встал, сделал знак стрельцам, чтобы подошли.

— Помолюсь, царь Ванюша. Ширь границы наши, на многие лета вперёд дело твоё сослужит... Ты, Ваня, как будет тяжело тебе, приходи ко мне, сюда прямо и приходи, поговорим с тобой, расскажешь о делах своих.

— Хорошо, приду, Вася. Здрав буди, кто обидит, говори...

— Да кто ж обидит-то меня? Ступай с Богом, Ванюша... Помолюсь за тебя. — Юродивый наивно, беззлобно улыбался вслед уходящему царю.

* * *

Наутро русские полки, артиллерия и татарская конница Шигаляя были построены. Русская армия была расположена перед казанскими стенами таким образом, чтобы показать себя во всей красе, устрашить противника. Трепетали на ветру православные хоругви, блестели медью начищенные пушки, сталью отливали латы и бердыши, напряжённо переговаривались люди, тревожно ржали лошади. Огромная масса людей, ошетилившееся войско шевелилось и перекатывалось, как большой рой лесных пчёл, как огромный дракон, выползший из своих подземных владений. Позади войск стояли наспех сколоченные из толстых брёвен штурмовые башни... Казанцы с крепостных стен внимательно наблюдали за манёврами русских полков.

Царь Иван на белом коне выехал перед строем. Красный плащ царя поверх доспехов, красное же седло и попона предавали фигуре зловещий, кровавый оттенок.

— Скажи нам слово, Государь! Скажи слово! — зашумели воины.

Царь Иван поднял руку с обнажённым клинком.

— Слушайте меня, славные ратники святой Руси! Перед вами Казань, Казанское ханство, остаток Золотой Орды. Вы знаете, что Орда двести лет владела русской землёй, разоряла наших жителей, собирала с русских дань и ясак. Ордынские воины не раз приходили на нашу землю, жгли города и деревни, уводили в полон народ православный. Русские знатные роды, князья да бояре, ездили к хану, чтобы определить будущее своих княжеств, своих семей и холопов. Волею деда нашего, Ивана Васильевича Великого¹, злое иго было сброшено на Угре-реке. Но и сегодня казанцы уподобляются своим пращурам, разоряют русские порубежные земли, грабят и гонят в полон наших братьев и сестёр. Не бывать больше этому! Раньше была Золотая Орда, теперь будет Великая Русь! Как ваш царь, призываю вас — идите и добудьте нам этот город! Слушайте своих князей-воевод! Мы — Третий Рим, которому стоять вечно! С Казани начнётся строительство православной державы нашей, какой свет не видывал!

По войску пробежал одобрительный гул. Ратники весело, немного нервно переглядывались, улыбались друг другу. Кто-то обнимался перед битвой, предчувствуя, что это будет последний бой, кто-то читал молитву, кто-то предавался воспоминаниям о жёнах и наречённых, малых детках и родителях. Некоторые воины читали молитвы и крестились. Вместе в дружинах стояли отцы и сыновья, мечтающие поскорее закончить ещё не начавшуюся битву... В словах Ивана Васильевича была великая правда, правда сильного русского царя! Как и накануне вечером справедливая Царица Казанская сказала жителям любимой Казани свою великую правду! Теперь этим двум истинам, двум мировоззрениям на будущее развитие своих народов предстояло сражение за то, чтобы доказать, чья правда крепче, чей дух могущественнее, чья воля сильнее, кто сможет на жилах, лопающихся от напряжения, «мышцею своею», вытянуть свою волю наверх, и утвердить её над волей противника! Радость победителям, горе побеждённым — пока воюет человек, так будет всегда!

Русские воины вразной закричали: «Слава Царю Ивану Васильевичу! Послужим Державе нашей, Надёжа-Государь!»

Царь резко, махом опустил руку с мечом вниз. «Вперёд!» — скомандовали воеводы. Полки ринулись на штурм крепостных стен.

* * *

Сначала русские полки стали штурмовать Казанский Кремль со стороны Больших ворот. Две осадные башни — туры — были максимально приближены к воротам, штурмующие крепостные стены русские ратники несли на себе большие деревянные лестницы, которые были приставлены к стенам... Татары умело отбивались, стреляя из редких пищалей сквозь бойницы, осыпая русскую рать стрелами, сбрасывая со стен крючьями и копьями, поливая взбирающихся стрельцов кипятком и смолой. Попавшие под обстрел и смолу ратники корчились от боли, на некоторых горели шапки и кафтаны, люди превращались в живые факелы. На стенах женщины бились наравне с мужчинами, было много погибших и раненых с обеих сторон. Через какое-то время атака через Большие ворота, хорошо укреплённые, захлебнулась. Потом основной удар был перемещён правее, к Арским воротам. Воинские силы были перегруппированы, штурмовые башни подкатили к воротам, разразилась жестокая сеча, русским ратникам на какое-то время удалось закрепиться на стенах города. Однако и здесь

¹ Иван Васильевич Великий — Иван III, дед Ивана Грозного

штурм был отбит, а одну осадную башню защитникам Казани удалось поджечь...Атака русского войска захлебнулась и здесь...

Всё это время по стенам города била артиллерия...Однако пушки приходилось использовать с другой стороны войска, с севера и запада крепости, чтобы не накрыть собственными ядрами нападавших на стены... В то же время с северной стороны стены города защищала река Казанка, и поэтому стреляющие пушки приходилось размещать прямо на льду. В некоторых местах из-за оттепели лёд подламывался, пушки с лошадьми и пороховым запасом уходили под лёд, их приходилось вытаскивать из полыньи... С запада же дубовые стены были крепкими, и стрельба из пушек была почти бесполезна...В любом случае действия русской артиллерии, лучшей и наиболее боеспособой части войска, были неэффективны...

Царь Иван на белом коне на некотором отдалении наблюдал за штурмом. Ему не нравился ход сражения, он, то и дело, взрывался бранными словами...Воеводы, слыша непотребные слова из уст молодого царя, начинали суетиться, усиленно отдавать приказы, посылая в полки гонцов с распоряжениями.

К вечеру, видя, что штурм захлебнулся, русские войска отступили от стен города. Казанцы отбились...

Утром было решено продолжить штурм, однако успеха и в этот раз было немного. Оттепель ещё больше подточила лёд на Казанке и Булаке, сами реки стали естественной преградой, охраняющей город от вторжения. Дело усложнил внезапно начавшийся дождь, нехарактерный для этого времени года. Ратники и пушки вязли в глубоком сыром снегу. Воеводы обратились к царю с просьбой остановить бессмысленные атаки, чтобы сберечь войско. Пётр Иванович Шуйский¹, воевода Передового полка, сказал Ивану Васильевичу: «Государь, крепки стены казанские, отбиваются татары... Напрасно людей погубим!» Царь дал приказ на отступление. Защитники крепости ликовали!

«Ну, ничего, ничего! Дайте только срок! Мы ещё вернёмся на берега Казанки!», — думал царь Иван и велел к вечеру созвать военный совет, самых ближних служивых людей.

— Ну что, воеводы, князя да бояре, умыли нас казанцы! Весь поход псу под хвост! Давайте думу думать, как грамотно отступить да от замысла своего не откататься! — оглядывая присутствующих служивых начальников, молвил Иван. — Какие будут мнения?

Слово как-то нерешительно, после паузы взял воевода полка правой руки Василий Семёнович Серебряный:²

— Государь, на мой взгляд, наша неудача в том, что опоры у нас тут нет...Нет селения, города, крепости, где запасы можно было бы сделать, оружейные и пороховые склады поставить, где гарнизон можно было бы поселить, службу организовать дозорную!

— Крепость нужна, говоришь? Но ведь строительство крепости — дело долгое, неспешное... Здесь чертёжный план нужен, материалы, камень для внешних стен, или бревна дубовые, как у казанцев, люд мастеровой надо нагнать, следить за ними... Втайне это сделать не получится...Как же воплотить в жизнь твои слова, Василий Семёнович?

Слово взял Андрей Курбский:

¹ Пётр Иванович Шуйский — военный и государственный деятель, первый воевода передового полка в Казанском походе 1550 года, вместе с А.Б. Горбатым-Шуйским основатель Свяжска

² Василий Семёнович Серебряный-Оболенский — военный и государственный деятель, князь из рода Оболенских, боярин и воевода, брат Петра Семёновича Серебряного-Оболенского

— Дозволь, Государь! Крепость поначалу деревянную можно сделать, срубы привести в разобранном виде, собрать на месте и поставить, людей заселить туда... Втайне сделать это можно, а если секрет сохранить, татары и не проснутся... А местом для нового города предлагаю гору Круглую, где Свяига в Волгу впадает... Хорошее место, вся округа просматривается, птица незаметной не пролетит, не то что человек!

— Молодец, князь Андрей, дело говоришь!!! Хорошо, будем ставить вторую Казань на Волге... А кому поручить?

— Под Угличем у нас леса хорошие, Государь, Ушатые там бояре землёй владеют, родственники твои, из Рюриковичей...

— Добро! Людей к ним пошлите мастеровых с Москвы, Рязани, Владимира. Да смотрите, дорогие князья-бояре, чтобы втайне всё было... Государево дело здесь... Языки свои за зубами держите, иначе вся затея насмарку. Кто проболтается, буду считать за измену. Ясно?

— Ясно, Государь!

Таким образом, русский царь принял важнейшее государственное решение. Крепость Свяяжская, стены, сторожевые башни, избы и казармы, деревянные церкви были тайно срублены весной — летом 1550 года в лесах под Угличем в вотчине бояр Ушатых. К весне 1551 года срубы были размечены, разобраны, погружены на суда и доставлены к месту впадения Свяиги в Волгу. Новый город был поставлен в тридцати верстах вверх по течению Волги на горе, с которой хорошо просматривалась ближайшая окрестность, вся Горная сторона Казанского ханства. Строительство шло быстро и заняло примерно месяц. Руководил строительством талантливый инженер, дьяк Иван Выродков¹, отвечавший за доставку срубов к устью Свяиги. Никто не ожидал от русских такого проворства, обычно нерасторопные и спокойные урусуты проявили чудеса сноровки. Спешно поселился за стены города гарнизон, стрельцы с домочадцами, торговый люд, ощетинаясь новая крепость во все стороны пищалыми да пушками. Началась блокада торговых путей, ведущих к Казани, с севера и юга...

* * *

Прошёл год с небольшим с тех пор, как казанцы отбили атаку войск русского царя. Потери горожан были большими. Каждый третий защитник казанских стен погиб... Однако русских воинов тоже погибло много, теплилась слабая надежда, что урусуты из-за своей неудачи откажутся от своих планов... По случаю годовщины штурма и удачной обороны города в Казани был устроен большой праздник, царица Сююмбике закатила невиданный пир для всех жителей, продолжавшийся несколько дней. Каждый житель города мог прийти к ханскому дворцу и попробовать царских угощений, мясных блюд и сладостей. После того, как были погребены погибшие, царица и духовенство обратились к народу и сказали, что жертвы горожан не были напрасными, что землю казанскую никто не отнял. Общее настроение в городе было праздничное, все надеялись на лучшее и думали, что угроза русского вторжения миновала... Но так не думала казанская знать, которая видела всё иначе и, как она считала, немного дальше своих поданных. И постоянно плела интриги, иначе, чем ещё заниматься при ханском дворе?

В один из весенних дней 1551 года в дверь скромной каморки при Казанской мечети, в которой жил сеид Кул-Шариф, постучали. Глава исламской уммы², отдохавший после обеда, встал со своего ложа и открыл дверь. За дверью стояли визирь ханского

¹ Иван Григорьевич Выродков — первый известный по имени русский военный инженер, дьяк Разрядного приказа

² Умма — исламская община

двора Нурали-Ширин и оглан Худай-Кул, представитель знатного казанского рода. Сеид предложил зайти гостям и неторопливо начал разговор:

— Приветствую вас, уважаемые Нурали и Худай-Кул! Что привело столь знатных особ к скромному служителю Аллаха?

Слово на правах старшего взял Нурали-Ширин:

— Приветствуем и мы тебя, уважаемый сеид! Давно не видели главу уммы и решили проведать, спросить, как Ваше здоровье? Не нужно ли чего уважаемому сеиду?

— Слава Аллаху, все хорошо! — ответил Кул-Шариф и многозначительно замолчал: «Нет, нет, уважаемые, вы пришли ко мне не за тем, чтобы интересоваться моим здоровьем. Что-то здесь не так... Что же за дела привели вас ко мне?»

Нурали продолжил:

— У меня с моим другом возник спор на тему — может ли женщина управлять государством? Я говорю — может, а Худай-Кул говорит — не может... И так мы страстно спорили между собой, что решили — пойдём к уважаемому сеиду, пусть он нас рассудит...

«Эээ, вон куда вы удумали повернуть... Что же, наш разговор будет интересным», — подумал Кул-Шариф и ответил:

— История знает многих женщин-правительниц. В странах Востока ещё до рождения Пророка, мир ему, правили царица Билкис и Асия¹, жена фараона Египта, правили они мудро и милосердно, были защитниками своих подданных, заботились о них и укрощали зло. Что смущает вас, друзья мои?

Слово взял оглан Худай-Кул:

— Уважаемый сеид, я слышал хадис² про жизнь Пророка, мир ему и благословение, историю, когда к нему в блистательную Медину прислал делегацию персидский двор. Пророк Мухаммад спросил посланников: «Кто вами правит?» Персы ответили: «У нас царица!», и Пророк, мир ему и благословение, изрёк: «Не преуспеет тот народ, которым правит женщина!» Вы, уважаемый сеид, слышали о таком хадисе?

— Разумеется, уважаемый Худай-Кул, я знаю этот хадис. Что вас смущает в нём?

— Что меня смущает? — Задумчиво повторил вопрос Худай-Кул. — Ведь вскоре после этого визита Персия пала, на смену могущественному персидскому государству пришли арабы, принёсшие потом Священный Коран сперва персам, а потом и на берега Итиля...³

— Да, это действительно так. Арабы основали благословенный Халифат, который включил и земли персов. Но я не пойму нить Ваших рассуждений, куда Вы клоните?

Худай-Кул замялся, пряча взор, слово взял опытный царедворец Нурали-Ширин:

— Уважаемый сеид, мы считаем, что наша госпожа Сююмбике ведёт Казанское ханство не к процветанию, а к поражению. Она идёт не тем путём, приблизила крымскую гвардию, враждует с сильным царём московским, призывает его войско нам на погибель. Мы пришли спросить, что Вы думаете по этому поводу?

«Вот и разгадка! Ах, вы, знать казанская, плуты да злодеи! Они хотят её свергнуть и ищут повод для этого!» — подумал Кул-Шариф и молвил:

— Не дело духовенству лезть в дела мирские!

— Но, уважаемый, скажите, женщина или мужчина должны сидеть на троне? Что по этому поводу говорит Священный Коран?

¹ Царица Билкис — царица Савская в Ветхом Завете, Асия — жена фараона, правившего во время пророка Мусы (Моисей в Ветхом Завете)

² Хадис — предание о словах и действиях Пророка Мухаммада, затрагивающее разные религиозно-правовые стороны жизни мусульманской общины

³ Итиль — тюркское название Волги

Кул-Шариф немного помолчал и продолжил:

— Священный Коран ставит мужчин над женщинами, ибо в Суре четвёртой сказано: «Мужья стоят над жёнами за то, что Аллах по своей мудрости дал одним преимуществом перед другими»¹. Разумеется, на троне должен сидеть благочестивый муж, а жёны должны быть скромны и благоговейны! — таков был ответ сеида.

— Так почему же пришедшая татарка, ставленница крымчан и Ногайской Орды, которая даже родилась не здесь, правит у нас в Казани, командует нами, ведаёт всеми нашими делами? Кто ей дал такое право? Рассудите нас, достопочтенный сеид! — взорвался Худай-Кул.

— Тише, тише, уважаемый Худай-Кул! Вы говорите не просто с человеком, а с потомком Пророка! — одёрнул горячего оглана Нурали-Ширин и обратился к молчащему Кул-Шарифу:

— Уважаемый сеид! Мы пришли к Вам, так как надеемся на Вас как на нашего сторонника. Скажите, если мы, зная казанская, решимся на переворот, если мы отстраним госпожу Сююмбике от власти, Вы поддержите нас?

— Я уже ответил Вам, Нурали Ширин! Я не буду лезть в дела мирские! Моё дело — служить Господину Миров, Всемилостивому Аллаху, воспитывать своих учеников, нести в сердце каждому мусульманину слова Священного Корана! Самому мне трон не нужен, поэтому решайте без меня!

— Тогда благословите нас!

Кул-Шариф засмеялся:

— Нет, благословения своего я вам не дам!

— Почему, уважаемый сеид?

— Послушайте хадис, мои дорогие гости. Однажды сподвижник Абу Зарр аль-Гифари спросил Посланника Аллаха: «Не назначить ли тебе меня на должность эмира?» Пророк Мухаммад, мир ему и благословение, похлопал его по плечу и изрёк: «О, Абу Зарр, ты слаб, а власть — это ответственность. В День воскресения должность эмира принесёт позор и бесчестье и вызовет сожаление для всех, кроме того, кто получит должность по праву и выполнит все свои обязательства». После этих слов Абу Зарр пристыдился и отказался от претензий на власть, он до конца своих дней жил уединённо и праведно. Вот и я не уверен, что вы будете править в Казанском ханстве ответственно! Тем более, начинаете с заговора! Единственное, что я уже говорил и повторю ещё раз — моя жизнь принадлежит Аллаху, Господу миров, я не буду лезть в дела власти, и в ваше дело не полезу!

— Тогда простите нас за беспокойство, уважаемый Кул-Шариф! — Нурали-Ширин и Худай-Кул в смущении, не глядя друг другу в глаза и не достигнув нужного результата разговора, вышли из жилища сеида.

«Да, недоброе затевают хитрецы казанские, — провожая их взглядом, подумал Кул Шариф. — Где интриги, там беда! Прямыми путями надо всем ходить, так Аллах нас учит... А как они хотят — как бы хуже чего не вышло»

* * *

Молодой стрелец Федор Брянченинов в составе разезда из пяти стрельцов нёс службу южнее Казани, на левой стороне Волги. Небольшой конный отряд был выдвинут далеко в степь и следил за тем, чтобы ни один возок или всадник, да что там всадник, чтобы ни одна мышшь не проскочила в город и из города, блокировал подходы

¹ Священный Коран. Сура 4, Стих 34

к Казани. Царь Иван Васильевич обложил Казань подобными немногочисленными отрядами со всех сторон, на реке стояли русские струги. Торговые суда и пешие караваны, движущиеся в город, не могли беспрепятственно преодолеть стрелецкие и казачьи заставы, вынуждены были обращаться к русским воеводам, чтобы те пропустили их с товаром на казанские рынки. За проезд надо было платить, платить много, и потёк барыш в русскую казну, а то и в караманы начальств государевых! Иные караваны, которым был установлен тяжёлый оброк, не могли заплатить, купцам это было невыгодно, так как их доход «съедался» пошлинами, и в этом случае торговцы прямым ходом направлялись в русские города, в Нижний Новгород, Владимир, а то и на Москву...

В один из летних дней стрельцы заметили одинокого всадника, держащего путь на юг.

— Смотри-ка, Прохор, кажись, татарин! — Обратился Фёдор к командиру. — Что прикажешь делать?

— Перехватить надо его, ты наказ воеводы слышал! Бери двух человек и за ним...

— Будет сделано...Василий, Петька, за мной! — Стрельцы бросились в погоню.

Русские всадники погнались за одиноким наездником, который, заметив преследование, пришпорил коня и дал дёру... Один из стрельцов бросился всаднику наперез, в то время как другие гнали его в спину... У русских лошади были более свежими, в то время как татарин пробирался от Казани уже вторые сутки, и его конь немного подустал. В конце концов стрельцы окружили казанца, тот выхватил саблю... Раз! — Один из стрельцов был сбит с лошади ловким ударом кривой сабли по плечу, однако в то же время другой стрелец огрел татарина плашмя палашом¹ по макушке, и тот всем телом рухнул с коня на землю... Стрельцы спешили и навалились на пленника:

— Васька, вяжи его, к Прохору повезём, там дознание учиним. Посмотри, что у него в сумке...

Василий связал руки пленнику сыромятным ремнём и обыскал его дорожную суму, притороченную к седлу...

— Смотри, Фёдор, деньги, казанские монеты, золотые и серебряные. Провианта чуток... И вот, бумага, на ихнем написана, вязь арабская. Гонец, получается, с письмом, на юг пробирался...

Федор задумался...

— Смотри-ка, печать на письме! Интересно, куда он ехал, к крымцам или к ногаям? Кому весточку из Казани вёз? Здесь дело государево, строго по уставу всё надо делать. Давай к Прохору, а он потом с захваченным гонцом к воеводе в крепость Свяжскую.

Захваченного гонца с письмом срочно повезли в Свяжск. Гонец поначалу молчал, но затем под пыткой рассказал, что их из Казани выехало четверо. На тот случай, что русские дозорные могут перехватить гонцов, каждый поехал самостоятельно. Он и ещё один посланник спешили к бию Юсуфу в Ногайскую Орду, ещё двое пробирались на юг, к крымскому хану и турецкому султану. Воевода свияжский князь Семён Микулинский с помощью купцов перевёл текст письма и принял решение срочно переправить его в Москву царю Ивану Васильевичу. Для государева дела был послан гонец с указанием — «лошадей не жалеть!» Через неделю царь Иван с думскими боярами в московском Кремле слушал переведённый воеводой Микулинским текст письма.

«Бию² Юсуфу-мурзе, да продлит Аллах его годы!

*Любимый отец! Пишет тебе твоя дочь Сююн, милостью Божьей Царица Казанская!
Как твоё здоровье, в добром ли здравии мои братья Али, Юнус, Ибрагим и Эль-мурза?*

¹ Палаш — колюще-рубящее холодное оружие с прямым клинком

² Бий — титул правителя в Ногайской Орде

Всё ли благополучно в моём родном улусе, Орде Ногайской? Как же не хватает мне наших степных просторов, скачек на лошади, запаха полыни, ветра в лицо, дыма родной юрты! Как я соскучилась по Сарайчику, по нашей голубой реке Яик!

Любимый отец! Я прошу твоей помощи! Прошу не только себе, но и всему моему любимому народу! Нечестивый царь урусутов Иван приходил воевать Казань зимой прошлого года. Мы с трудом отстояли город, но царь неверных, упорствуя в своих намерениях, основал крепость на реке Свияге, тридцатью верстами севернее Казани, заселил её урусутами и черемисами, гарнизоном, служивыми и торговыми людьми, землепашцами вместе с домочадцами... Благодаря этой крепости урусуты взяли Казань в осаду, не дают проехать к нам ни купцам, ни послам, ни союзникам нашим, везде поставили застав и ловят тех, кто пытается прорваться... Поля наши остаются нескошенными, жителей казанских гонят и не дают убрать хлеб... Если мы будем медлить и ничего не предпринимать, царь Иван опять пойдёт войной на Казань и захватит её. Я и твой внук Утямыш-Гирей лишимся не только власти, но и самой жизни!

Любимый отец! Прошу тебя не только как твоя дочь, но и как верная союзница Орды Ногайской — пришли мне войско, чтобы я стёрла нечестивую христианскую крепость в своих владениях с лица земли, а гарнизон крепости взяла в полон. Только в этом случае останемся мы на царстве, будем править и далее в нашем славном городе Казань!

Милостию Аллаха, Господа миров, вдовствующая царица Казанская и твоя любящая дочь Сююмбике и твой внук, царевиц Казанский Утямыш-Гирей, прикладывают руку»

Когда дьяк Посольского приказа Иван Висковатов¹ закончил читать перехваченное письмо, царь Иван вопросительно оглядел присутствующих:

— Да, дела... Что скажете, бояре? Что делать будем?

Бояре нервно переглядывались, не решаясь начать разговор, словно выжидая, кто осмелится на какие-либо рассуждения.

Слово взял «знаток ордынских дел» Фёдор Михайлович Нагой:

— Похоже, Государь, войны с татарами не избежать. Войной пойдёт на нас Царица Казанская, если войско ногайское к ней подоспеет... Свиязску не устоять тогда, уж больно молодая крепость... Жители её не укоренились ещё на месте, ударь посильнее, и побегут оттуда людишки...

Царь Иван после раздумий молвил:

— Прямо не самодержица, а львица свирепая в Казани сидит... У нас царица Анастасия Романовна в дела государственные не лезет, всё с боярынями ближними по церквам и монастырям ездит, милостыню творит, а эта, смотри-ка, воевать нас удумала... Диву даюсь, женское ли дело — воевать?

И продолжил:

— Помните, бояре, притчу Господа нашего Иисуса Христа о хозяине виноградника, который сдал свой виноград работникам. Когда же подошло время плодов, одного послал за виноградом — виноградари его прогнали, второго послал — его побили, сына любимого послал увещевать их — убили сына... Что делать со злыми виноградарями хозяину виноградника? Только наказать их, побить и отдать виноградник другим². Вот и мы так же, говорим — Казань будет наша, ставим туда одного хана — прогоняют его, посылаем второго — убивают его! Нельзя оставлять такое, нельзя нам ханство Казанское упускать, а то получим Орду новую под боком!

Нагой ответил:

¹ Иван Михайлович Висковатов — думный дьяк, русский государственный деятель, с 1549 по 1570 годы глава Посольского приказа

² Евангелие от Матфея, глава 21, стихи 33—41

— Государь, надо знати татарской письмо написать тайное... Просить выдать нам на Москву Царицу Казанскую с царевичем... Посулами их задобрить, постараться подкупить, сказать, что Казань не тронем, войной на них не пойдём. У кого на Руси торговый интерес есть — надавить на тех, сказать, барыша у вас не будет, война всё сожрёт, аки зверь свирепый...

Царь возразил:

— А ногайцы что? Их-то надо в расчёт брать?! А как Юсуф-мурза войско на подмогу к дочери двинет? Там сто тысяч воинов, а может, и поболее! Сможем ли отбиться?

— Дозоры у нас расставлены везде. Надеяться надо, Государь, на Промысел Божий! Но не только на него, а ещё на зоркость дозоров наших, что гонцов казанских отловят всех, не дадут к ногаям проехать, и на донцов, что южнее службу несут, от султана и крымцев наше войско прикрывают. Если стрельцы где не углядят, то донцы помогут... А ещё на золото русское надеяться надо, коим подкупить следует беев казанских...

Царь утвердительно кивнул головой:

— Ладно, на том и порешили... Давай, дьяк Иван, пиши мурзам¹ казанским письма тайные, увещевай их... В дела твои не лезу, но за неудачу спрошу строго! Денежному двору — деньги выделить на подкуп знати казанской! Может, и удастся наш замысел, перейдут мурзы да огланы на нашу сторону. Как письма напишешь, ко мне приди, ещё раз все обсудим...

— Будет сделано, Великий Государь! — Иван Висковатов поклонился и вышел из палаты. Бояре стали неспешно расходиться...

* * *

Один большой торговый караван с Астрахани русские дозоры подозрительно пропустили. Разгадка была проста — в караване был татарин из касимовцев, который вёз казанской знати тайное письмо от царя Ивана и деньги на подкуп...

Вечером того же дня, как в Казань пришёл астраханский караван, в доме визиря Нурали-Ширина собрался весь Диван — Правительство Казанское, мурзы пришли втайне от царицы Сююмбике... Письмо от царя московского казанской знати зачитал сам визирь:

«Нурали-Ширину, сыну Булата, сотоварищи!

Великий Государь и Князь Московский Иван Васильевич обращается к вам, знать казанская! Доколе вы будете терпеть у себя на троне иноземку, доколе она будет править всем людом казанским?

Коль хочет знать казанская жить с Великим Русским Государём в мире, существовать дружно, беспрепятственно торговать и возделывать поля свои, выдайте ближним людам моим царицу Сююн и сына её Утямыш-Гирея! Если не выдадите, будет люд казанский голодным, без хлеба и иной провизии зиму встречать! А как выдадите, хана в Казань я вам нового пришлю взамен Царицы Казанской.

Великий Государь и Князь Московский Иван Васильевич руку приложил!»

Письмо было коротким, царь Иван посчитал, что пространственное послание могут принять за слабость, и оно может вызвать различные толкования. Поэтому было написано коротко и по делу — либо выдаёте царицу Сююмбике с сыном, либо не жди-

¹ Мурза — аристократический титул в турецких государствах

те от Руси ничего хорошего... О том, что к письму прилагалась приличная сумма денег, визирь Нурали-Ширин и оглан Худай-Кул предусмотрительно умолчали...

Мурзы казанские переглянулись... Всё это было неожиданно... Подобная неожиданность пугала, предстоял сложный разговор... Чья возьмёт? Царицы Сююн или заговорщиков? Не угадаешь расклад — в опалу попадёшь, а то и головы лишишься... Бессонная ночь и сложный выбор предстояли казанской знати...

* * *

Летним июльским вечером оглан Кушак пришёл в покои к Царице Казанской.

— Мир Вам и благословение Аллаха, Госпожа! Дозвольте поговорить с Вами!

Сююмбике ответила:

— Приветствую и я тебя, уважаемый оглан! Говори, с чем пришёл!

— Госпожа, слухи доносят, что вокруг Вас плетётся заговор, что огланы и мурзы казанские что-то затевают против Вас!

— Уважаемый Кушак, выражайтесь яснее... Это серьёзное обвинение... Каковы причины подозрений? У Вас есть факты, доказательства? Что конкретно Вам известно?

— Конкретных доказательств, увы, нет... Мы, крымчане, предполагаем, что в том караване с продовольствием, которые урусуты почему-то пропустили, был посланный лазутчик с письмом от царя Ивана к казанской знати...

Царица задумалась:

— Допустим, это так... Вам известно содержание письма?

— Нет, Госпожа, доподлинно неизвестно. Мы знаем лишь, что кто-то из пришедших с караваном купцов начал искать встречи с представителями знати казанской!

— С кем конкретно встречался посланник русских? Кого увещевал посулами от царя Ивана?

— Мои люди следили за перемещениями караванщика по городу, но он сумел скрыться от них, и больше мы его не видели...

Царица раздражённо ответила:

— Да, ничего не скажешь, хороши твои соглядатаи... Вражеского лазутчика упустили!

— Да, мои люди виноваты, Госпожа! Но наказывать я их не буду, сейчас время такое, каждый человек на счету!

— Сколько людей у тебя осталось?

— После прошлогоднего штурма осталось триста шестьдесят человек. Здесь вот ещё что, Госпожа... В городе становится тревожно... Мы, крымская гвардия, хотим уйти, прорваться в Крым и прийти оттуда с подмогой... Вам и Вашему сыну Утямыш-Гирею в Казани грозит опасность... Поэтому мы хотим, чтобы Вы пошли с нами... Мы выедем из города тайно... Надеюсь, что обходными путями нам удастся обойти урусутские дозоры... Прошу Вас, Госпожа, Повелительница моего сердца, поедомте с нами... Бойцы крымской гвардии не подведут Вас!

Царица помрачнела, лицо её стало печальным... Да, дела творятся в Казани... Знать и министры Дивана, ближайшее окружение, становится враждебным... Вот, и верные крымцы хотят уйти... На кого можно опереться в таком случае? Не на кого...

— Вы отпустите нас, Госпожа? — глаза Кушака выдавали его настоящую тревогу.

Помолчав, Сююмбике ответила:

— Да, храбрый Кушак, поезжайте... Я отправила гонцов в Крым и к отцу, в Ногайскую Орду, но ответа почему-то ниоткуда нет. Если наших посланников перехватили, то царь Иван уже знает, что я просила военную помощь против него. В этом

случае миром дело не кончится... Может, и правда, крымская гвардия успеет прийти с подмогой...

— А Вы с сыном? — с надеждой продолжил оглан...

— Без меня, уважаемый оглан, я останусь со своим народом! Поезжайте быстрее, прошу Вас!

— Госпожа! Я люблю Вас! Судьбы людские в руках Всевышнего! Мы приведём подмогу с Крыма! Если Аллах позволит, мы ещё увидимся! — оглан Кушак поклонился и вышел из покоев царицы.

В ту же ночь под покровом тьмы небольшой отряд крымской гвардии выехал из ворот Казани... Крымчане решили пробираться сразу на юг, по левой стороне Волги, однако русские дозоры их обнаружили, началось преследование... Тогда всадники повернули в другую сторону, на восток, и попытались оторваться от урусутов, пройдя вдоль берега Камы... Здесь-то их и настигли стрелецкие и казачьи отряды, крымцев с двух сторон взяли в клещи... Преследование продолжалось несколько десятков вёрст, затем крымцы развернулись и решили биться... Часть неудавшихся беглецов приняла смерть в ходе кратковременной рубки с превосходящим по численности противником... Остальных пленили и отправили сперва в Свияжскую крепость, а потом и на Москву... Царь Иван милости крымцам, своим злейшим врагам, от набегов которых не раз страдало Московское царство, не дал, и все пленники были казнены...

* * *

Утром следующего дня служанка доложила Царице Казанской:

— Госпожа, визирь Нурали-Ширин и оглан Худай-Кул ожидают Вас в тронном зале!

— Они вдвоём?

— Нет, Госпожа, с ними представители Казанского Дивана, всего человек двадцать!

— Скажи им, через четверть часа я к ним выйду, — ответила Сююмбике и подумала: «Похоже, началось! О, Всевышний, Господь Милосердный, прошу тебя, помоги мне и укрепи волю мою! Не за себя прошу, мне моя жизнь не дорога... За сына тебя прошу! О, Великий Аллах, спаси жизнь сыну моему, дитя он ещё неповинное!»

Через четверть часа Сююмбике, в тревожных предчувствиях, но вся собранная, сосредоточенная, вошла в тронный зал. Представители казанской знати стояли и неспешно, вполголоса переговаривались. Сююмбике, оглядев присутствующих, не обнаружила среди них Кул-Шарифа и других представителей казанского духовенства. «Значит, Кул-Шариф их не поддержал», — подумала она и спросила:

— С чем пожаловали, уважаемый Нурали-Ширин и вы, мурзы казанские...

— Госпожа! — лукавый Нурали-Ширин слонился в приветственном полупоклоне... — Госпожа, у нас для Вас новости... Русский царь Иван прислал письмо...

«Значит, про письмо правда», — подумала царица и наигранно удивилась:

— Какое письмо? Мне царь Иван ничего не присылал!

— Нам прислал письмо, знати Казанской! — с наигранной улыбкой продолжил Нурали-Ширин.

— Ах, вам... Не знала я, что Диван Казанский за спиной царицы своей переписку ведёт... О чём же письмо?

— Госпожа, царь Иван обвиняет вас в союзе с османами и крымчанами, и в том, что не даёте Вы мирно жить Казани с Московским царством!

Сююмбике на минуту задумалась... После паузы она ответила:

— Крымчане и османы — наши первейшие союзники! Муж мой, хан Сафа-Гирей, был из крымских ханов, Утямыш его прямой наследник! Что же вы, знать казанская, решили друзей и покровителей своих предать?

— Мы пока не решили... — ответил Нурали-Ширин и в разговор грубо вмешался Худай-Кул:

— Что вы с ней разговариваете, знать казанская? Чужая она здесь! — и он обратился непосредственно к Царице:

— Госпожа Сююмбике, мы считаем, что Вы ведёте Ханство Казанское, Улуг Улус, к гибели! Водите дружбу с крымцами и османами, войну с Москвой затеиваете, а с царём Иваном дружить надо! Он блокаду с нас обещает снять, если мы требования его исполним!

Здесь Сююмбике повысила голос:

— Что вы говорите-то, знать казанская! Как с волком лютым можно дружбу водить... Сегодня он в сени ваши заберётся и овцу одну зарежет, а завтра и всё стадо пожрёт! Вы что, не видите, земля ему нужна наша! Что же просит у вас царь Иван, что вы ко мне пришли?!

— Он просит выдать Вас, Госпожа Царица, и сына Вашего под свою сильную руку! — опять взял слово Нурали-Ширин.

— Выдать? Выдать меня с маленьким сыном? Вы хотите сказать — **предать**? — Царица вглядывалась в лица пришедших, многие стали прятать глаза... Отводил свой взор от глаз царицы и Нурали-Ширин, только оглан Худай-Кул смотрел ненавидяще и дерзко!

Царица продолжила:

— Как же Вы так можете, мурзы казанские? Вспомните мужа моего Сафа-Гирея! Разве не заступалась я перед его грозным взором почти за каждого из стоящих в этом зале? Разве не прощал мой покойный муж наносимые вами дерзости и обиды? Что же вы молчите?

Да, мурзы казанские потупились и молчали! А что скажешь, когда гнусные дела творятся на твоих глазах, да ещё ты участвуешь во всей этой мерзкой процедуре! Лишь Нурали-Ширин, по-прежнему, пряча глаза, продолжил:

— Мы выдадим Вас с сыном, Госпожа! Мы, знать казанская, лучшие люди города, уже всё решили!

Эти слова прозвучали для царицы как гром среди ясного неба! Её предали! Предали ненавистным урусутам! Предали жестокому царю Ивану! Она замолчала! Пауза продлилась достаточно долго... Присутствующие ждали, что ответит им Царица Казанская... Через какое-то время Сююмбике молвила:

— Раз решили, будь по-вашему! Некому сейчас за меня заступиться... Ни крымцев, ни османов, ни ногаев, родственников моих, рядом со мной нет! Прошу об одном вас, знать казанская — сына не трогайте... Сохраните ему жизнь, не виноват он ни в чём перед вами...

Нурали-Ширин со вздохом облегчения, как человек, разрешивший сложную ситуацию в пользу задуманного, сказал:

— Госпожа, мы выдадим тебя царю Ивану, а он пусть сам судьбу твою решает... Грозен и злопамятен царь русский! Не для того тебя выдаём, чтобы тебя казнить, а хотим ответственность с себя снять да условия мира с урусутами повыгоднее на переговорах выхлопотать. В руке царя ты с сыном будешь, а там уже как он управит!

Слёзы, жгучие слёзы душили царицу, перехватило дыхание, от обиды поднималась дрожь в теле, как будто иглы острые кололи, но она сдержалась. Сююмбике тихо сказала:

— Поняла я вас! А теперь прочь пошли, знать казанская, дайте мне одной побыть! Не волнуйтесь, не убегу я! В вашей воле я теперь... Но смотрите, мурзы да беи, как бы кара Аллаха к Вам не пришла за предательство!

— Не придёт, Госпожа! Знайте, дворец теперь верные Дивану люди охранять будут! Османский султан и крымский хан далеко, крымская гвардия бежала из города, ногаи, родственники Ваши, молчат, а русский царь — вон он, за дверями стоит! Русские пушки и пищали целят в нас! Лучше, Госпожа Царица, Вами пожертвовать, чем всё наше ханство потерять! Пойдём отсюда, правители казанские, всё, что хотели, сказали мы уже! — молвил Худай-Кул...

Присутствующие представители знати молча, хмуро потянулись к выходу. Предали мурзы и беи казанские справедливую царицу Сююмбике, выдали ненавистному урусутскому царю... Предали исходя из политической целесообразности, из цели удержания собственной власти, чтобы какое-то время побыть ещё в славе и почёте, не лишиться имущества, да позаседать в Казанском Диване, погулять на царских пирах... Не оказала знать казанская поддержки своей Доброй Госпоже и её малолетнему сыну...

* * *

Через четыре дня в кремлёвские покои к царю Ивану вошли Андрей Курбский и Фёдор Нагой.

Разговор начал Курбский.

— Прости, Надёжа-Государь, за беспокойство. Срочные вести из Казани. Мятеж в ханстве против царицы Сююмбике, Государь! Диван Казанский, знать во главе с Нурали-Ширином и Худай-кулом против царицы взбунтовалась...

Царь спросил:

— Откуда вести?

— Со Свяжска гонец прискакал, воевода его прислал... Двух лошадей загнал по дороге!

Царь Иван задумчиво, немного протяжно произнёс:

— Вот оно что! Значит, правильно мы рассчитали, когда письмо с деньгами мурзам казанским послали! Значит, наша берёт, други мои! Будет Казань наша, ей Богу, будет!

Слово взял Фёдор Нагой:

— Великий Государь, спасать надо Царицу Казанскую. Не уследим — свои её либо отравят, либо удавят... И её, и малыша! Вспомни Орду Золотую во времена прашуров твоих, Ивана Калиты и Дмитрия Донского... Ханы каждый год менялись, каждый год заговор, убийство и новый хан. То отравят, то подушкой задушат, то зарежут. То брат брата убьёт, то сын — отца! Восток, одним словом... Интриги, заговоры сплошные!

Разговор оживлённо продолжил Курбский:

— Увезти её надо, Великий Государь. Не ровен час, свои приближённые царицу во гроб сведут... А здесь и она нам нужна, а ещё больше малыш нужен, у него все права на трон Казанский... Опять же, Утямыш — внук Юсуфа, биклярбека ногайского... Через него на ногайцев давить можно! Государь, скрыть надо царицу Сююмбике от знати казанской... побыстрее... Как не уследим, отравят или ещё чего — тогда правды не найдёшь...

Царь Иван одобрительно улыбнулся:

— Дело говорите! Кого предлагаете в Казань послать, князя-бояре?

— Государь, там сейчас у воеводы Микулинского в Свяжске князь Пётр Серебряный в помощниках... Наш человек, опытный, спокойный, верный... Он справится!

— Хорошо, на том и порешим! Напишите Петру Семёновичу — пусть за царицей в Казань едет и в Москву её везёт! Гонца немедля отправляйте, поспешать надо!

— Слушаемся, Государь!

Через неделю князь Серебряный с небольшим отрядом стрельцов въехал в Казань. Его тут же встретили новый глава Казанского Дивана Худай-Кул и бессменный vizирь Нурали-Ширин.

— Приветствую Вас, мурзы казанские! Я, князь Пётр Серебряный — посланник Великого Государя Московского, по его высочайшему приказу — за царицей и наследником! Велено Царицу Казанскую с царевичем Утямыш-Гиреем на Москву доставить! — сразу же, без обиняков заявил Пётр Серебряный...

Новый Правитель Казани Худай-Кул поприветствовал русского князя лёгким поклоном:

— Приветствуем и мы Вас, уважаемый князь! Сколько времени царь Иван дал на сборы царице?

— Два дня, на третий велено выезжать!

Худай-Кул ответил:

— Хорошо! Ваших людей мы разместим в казарме... А Вас, уважаемый князь, со своими ближними, прошу вечером пожаловать в Ханский дворец, где будет устроен небольшой приём в Вашу честь и во славу Великого Государя Московского Ивана Васильевича! И я пошлю людей к царице Сююн, объявлю ей волю Великого Государя!

На следующий день Царица Сююмбике попросила разрешения сходить на могилу мужа своего Сафа-Гирея в сопровождении верной служанки.

Глава Дивана Худай-Кул ответил:

— Дозволяем, пусть идёт!

В сопровождении совместной охраны из стрельцов и казанских багатуров, верных Дивану, царицу Сююмбике одну, без сына, привели в мраморную белоснежную усыпальницу ханов казанских, где была могила и Сафа-Гирея... Там царица распустила свои волосы, сыпала свою голову казанской землёй, закрыла руками лицо и стала жалобно выть и причитать по-татарски... Прощалась она со своим любимым мужем, как будто чувствовала, что не увидит усыпальницу его более, умрёт на чужбине, а не в родной Казани. Плач продолжался больше часа... Русская охрана, которой пока татарские обычаи были в диковинку, растерянно переглядывалась и была потрясена. Один стрелец сказал другому:

— Жалко бабу, уж больно убивается... У меня аж слёзы наворачиваются от её плача! А ведь красавица, каких поискать...

Тот ответил:

— Любила, наверное, сильно...Интересно, Николка, по нам так наши бабы будут плакать?

На третий день, в час отъезда Сююмбике из Казани все жители города высыпали на улицы. Люди не скрывали печали и слёз, прощаясь со своей любимой царицей... Простым жителям Казани было невдомёк, что на их глазах разыгрывается целая трагедия! Никто не сделал попытки возмутиться, поднять бунт, отбить у стражи царицу Сююмбике с сыном... Это была ошибка, и осознание этой ошибки, осознание своего безволия и непростительной слабости, придёт к жителям города позже! Пока же мужчины лишь горестно вздыхали, говорили: «Так угодно Аллаху! На всё воля Всевышнего!», а женщины, молодые девушки, малые дети просто плакали... Провожал народ казанский любимую свою госпожу! Царицу с сыном провезли от Ханского дворца до речной пристани, и уже оттуда струг с царицей и сыном отправился в новую русскую крепость.

После выдачи царицы Сююмбике урусутам её с маленьким сыном Утямышем доставили в Свияжск. Воевода крепости князь Семён Микулинский¹ рассыпался в любезностях, царицу с сыном поселили в пристройке княжеских хором, кормили лучшими блюдами, разрешали прогулки, правда, в сопровождении охраны. Сююмбике с тоской смотрела с возвышенности, на которой располагалась крепость, на близлежащие окрестности, речные волны, на холмы и перелески, на редких всадников, крестьянские подводы в степи, и думала: «Эх, Земля моя Казанская, милые сердцу луга и дубравы... Как увезут меня отсюда, увижу ли вас вновь?»

Потом царицу с сыном повезли в Москву... Воевода Микулинский выделил нарядную карету и конный разъезд, шестнадцать стрельцов в сопровождение... Следом за каретой ехали две небольшие телеги со скарбом Царицы Казанской. Возглавлял стрельцов князь Пётр Серебряный. По дороге молва летела впереди разъезда, крестьяне, жавшие поля, останавливали свой труд и пристально смотрели на проезжавшую процессию. Кто-то кланялся карете, кто-то начинал креститься, как при встрече царя Ивана Васильевича... В Нижнем Новгороде была непродолжительная остановка, царицу и сына снабдили калачами, напитками и фруктами до Москвы...

При въезде в Москву выстроилась целая делегация, люд московский дивился на царицу... По Москве её везли не самым коротким, но самым значимым путём, въехали в город через Владимирский тракт, а потом повезли вокруг Кремля, через Арбат, Воздвиженку, Знаменку до Красной площади, чтобы показать ей город, с одной стороны, с другой стороны, чтобы показать Царицу Казанскую жителям столицы, а заодно показать силу русского царя, который ведёт всё к тому, чтобы Казань к Москве присоединить! Про Москву-реку и Язу Царица Казанская подумала: «Да, это не Итиль, нет здесь простора, негде разгуляться наследникам Орды Великой!» К вечеру карета прибыла в Кремль, где царицу в палатах ждал царь Иван.

Царь стоял в тронном зале у окна, когда ему доложили: «Государь, прибыла Царица Казанская с сыном!»

— Просите, пусть войдёт! — Ответил Иван Васильевич.

Царица неспешно, чуть склонив голову в дверном проёме, зашла в зал... К ней жался маленький чернявый мальчик, пытаясь спрятаться за маму... Следом вошёл толмач из касимовских торговых людей.

— Как доехала-то, Госпожа Царица Казанская? Хорошо ли обращались с тобой мои слуги в пути?

— Обращались хорошо, Великий Государь! Зачем ты привёз меня на Москву?

— Я не буду ответ держать перед тобой, Госпожа Царица! Единственное, что скажу — продали тебя и предали мурзы казанские, предупреждал ведь я тебя об этом!

— На всё воля Аллаха, Господа миров, царь Иван... В твоей воле я сейчас, поэтому делай, что хочешь. Только Утямыша, наследника моего, пощади...

То ли от долгого напряжения в пути, то ли от страха за своё с сыном будущее Царица Казанская закрыла лицо руками и заплакала.

— Что ты, что ты, Матушка Царица! Не плачь, нечего слезы лить понапрасну! — Царь сделал движение навстречу Сююмбике, хотел обнять её в порыве то ли сочувствия, то ли нахлынувшей нежности. Однако, вспомнив советы ближних бояр и Андрея Курбского: «Построже с Царицей Казанской надо, Государь!», вовремя остановился.

¹ Семён Иванович Микулинский – русский военный и государственный деятель, первый воевода Свияжска

— Госпожа Царица, Утямыш-Гирей мне как сын будет. Сам я был возведён на царство в детскую пору... Три года тогда мне было... Знаю, какво это, среди врагов да заговорщиков жить... А тебя, Госпожа, должен наказать я за строптивость. Сам читал твои письма крымцам и ногаям! Бояре мои ближние читали! Особо горячие головы говорят, чтобы казнил я тебя! Но казнить тебя я не буду, не воюю я с женщинами и малыми детьми! В Касимов к татарам тамошним жить поедешь... За Шигалея, родственника твоего, замуж отдам...

Царица воскликнула:

— Как замуж?! Что же ты делаешь-то, царь Иван?! Лучше уж одной до конца дней своих быть! Ненавистен он мне, предатель!!!

— Тебе ненавистен, Матушка Царица, а мне союзник первейший в деле казанском, люд татарский, черемисов да мордву под корону мою ведёт. Поэтому не могу по-другому я, не причуды это мои, государево здесь дело! Как у нас, у русских, говорят, стерпится — слюбится!

— Не слюбится, Государь Великий!

Царь Иван говорил очень сдержанно, мягко, с нотками сочувствия в голосе... На Грозного царя это было непохоже!

— Связаны наши имена будут теперь, Госпожа Царица Казанская... Я тебя пленил, я твою судьбу решу! Державу мне строить надо, всё личное в сторону отодвигать, а государственному следовать! Как бы хорошо не относился я к тебе, Госпожа Царица Казанская, надо о Руси Великой думать! Поезжай пока с сыном в Касимов, по слову моему!

Царица кивнула головой и, обняв маленького Утямыша, вышла с ним, следом вышел толмач.

На следующий день утром князь Курбский вошёл к царю в личные покои и увидел следующее — перед царём стоял портрет Сююмбике. Царь Иван молча смотрел на изображение и думал: «Эх, всё-таки хороша ханша! Прямо степная красавица!»

«В Нижнем на ярмарке купил, наверное, гонцов туда посылал. Ах, Царь наш шустрый», — подумал Андрей и сказал:

— Здравствуй, Государь Великий!

— Здравствуй и ты, князь Андрей! Как портрет тебе? Хороша Царица Казанская?

— Хороша-то хороша, царь Иван Васильевич! Но...

— Что за «Но...»? Говори!

— Не знаю я, как и сказать-то половчее... Не думай даже, Государь... Как погулять, поиграться захочешь, чтобы кровь в тебе закипела — хоть девок, хоть вдовиц молодых на Руси хватит... А с Царицей Казанской будешь жить — Русь тебя не поймёт... Анастасия Романовна наша Царица!

— Эх, друг ты мой любезный! Куда же вы все лезете со своими советами! Уж в личном-то я без советчиков обойдусь! Ладно, князь Андрей, выкладывай, с чем пришёл, давай говорить о делах государственных!

* * *

Тёплым осенним днём 1551 года на стойбище в своей богатой юрте беклярбек Ногайской Орды Юсуф-паша¹ пил прохладный кумыс и размышлял... Осень в этом году была долгая, чувствовалось, что она таит в себе перемены... Тревожные думы терзали хана ногаев, тревожные мысли о своей любимой дочери Сююмбике... Почему же от неё так долго нет известий, здорова ли она, как там его маленький внук Утямыш-Гирей?

Юсуф-паша не любил столицу Ногайской Орды Сарайчик... В городе, среди шумных улиц, базаров, фонтанов и терм, в комнатах ханского дворца ему не хватало воздуха... «Степняк должен жить в степи, по заветам великого предка Чингиза», — так рассуждал бий² Юсуф и при малейшей возможности отбывал из города, кочуя со своей многочисленной челядью, стадами, юртами, табунами лошадей... В кочевье ему помогали слуги и сыновья, которые пасли скот, объезжали лошадей и беспрекословно слушали своего отца во всех вопросах.

Юсуф-паша очень любил свою дочь. Кроме Сююн, сыновей у него было четверо, четверо степных джигитов, соколов-царевичей, но к дочери он всегда относился особенно... С сыновьями, когда они вырастут, могут быть конфликты из-за власти, наследства, из-за удачи в военном деле, с дочерьми же таких проблем не бывает. Дочь — опора отца в его начинаниях. Кроме того, Сююн с малых лет была похожа на свою покойную мать, Акханым³, была такой же отчаянной и прямой, с мальчишеским складом характера, беспокойной в своих играх и увлечениях. Когда Юсуф смотрел на подрастающую дочь, на её развевающиеся косички, как она скачет на коне, как стреляет из лука, как учится читать следы в степи, он думал: «Вот ведь, шаловливая растёт какая, если дело так и дальше пойдёт, она в военные походы со мной запрочится! Придётся джигитов ей дать под начало!»

Любой отец желает своей дочери счастливого брака, сильного и любящего спутника жизни, за спиной которого бы дочь чувствовала себя, как за каменной стеной... Поэтому, когда при посредничестве Москвы к Сююн прислал сватов молодой казанский хан Эналей, Юсуф-паша подумал, что это хорошая партия, что он отдаёт дочь в хорошие руки, снарядил караван и отправил свою любимицу в Казань... Правда, перед самой отправкой в Казань лошадь Сююн, кобыла ахалтекинской породы, захромала. Кобылу поставили в стойло, её не стали убивать, чтобы не травмировать юную принцессу. Старая Фатима, няня Сююн, уважаемая хатын-кеше, разбирающаяся в женских делах и устремлениях, сочла хромоту лошади дурной приметой и сказала об этом отцу своей воспитанницы. Если бы знать тогда, в какое змеиное гнездо Юсуф-паша отправляет дочь! Надо было послушать старую няню, отказаться от свадебного предложения... Интриги при Казанском дворе, внешнее давление на Казань от крымцев и урусотов, недоброе окружение, пьянство и рукоприкладство мужа, насмешки слуг над молоденькой принцессой, явные и тайные уколы придворных дам!

¹ Юсуф-паша Ногайский — 17-й беклярбек (хан) Ногайской Орды, отец Сююмбике. Прародитель русского княжеского рода Юсуповых

² Бий (тюркское) — вождь

³ Акханым (тюркское) — Белая Госпожа. По другой версии, мать Сююмбике звали Айбике — Луноликая Госпожа

Сколько раз бий Юсуф получал слёзные письма дочери: «Отец, забери меня, не могу больше. Хочу развестись с ненавистным мужем! Ничего мне не надо, ни власти, ни денег, ни почёта от казанской знати! Забери меня в родную степь, прошу!»

Однако Юсуф-паша хотел, чтобы дочь осталась замужем, развод для мусульманки недопустим! По словам Пророка, мир ему и благословение, Всевышний разрешает расторжение брака, но развод является самым неприятным для Аллаха из дозволенного человеку! Кроме того, старый Юсуф старался смотреть дальше сего века, ведь была надежда на возрождение Великой Орды, на то, что Казанское ханство объединится с Ногайской Ордой, и возникнет новая держава Бату-хана... Поэтому, когда Эналея, его бездарного зятя, убили в результате заговора сторонники Крымского ханства, бий Юсуф испытал большое облегчение. Недалековидный правитель подобен прокаже, именно при нём в государстве начинаются волнения и смуты. Но ещё хуже несправедливый правитель, не держащий своего слова, не заботящийся о своём народе, дерущий с него три шкуры на свои забавы. Такого просто убивают, когда доберутся до него, когда представится подходящая возможность.

Когда же Сююн стала любимой женой нового казанского хана Сафа-Гирея, и от него родился маленький Утямыш, Юсуфу казалось, что личная жизнь дочери налаживается. Вот он, суженый её, с ним она сможет пройти по жизни рука об руку. Тем неожиданнее для него была смерть Сафы, которая повергла тестя в шок, опять над головой дочери Юсуфа стали сгущаться тучи. Поэтому, когда после смерти мужа его дочь стала Царицей Казанской, биклярбек не обрадовался, он-то знал реальную цену царской власти. Тяжела ты, царская корона! Не всем идёт быть правителем!

Так почему же нет известий? Почему не едут гонцы, не везут весточку от дочери, ведь раньше Юсуф-паша получал письма чуть ли не ежемесячно! С молодым царём урусутов Иваном у него сейчас мир, поэтому военный отряд в Казань не пошлешь! Караваны купцов, уходившие в сторону Казани, почему-то не возвращались...

В конце лета московский царь Иван Васильевич прислал Юсуфу без видимых причин пространное письмо, где интересовался его здоровьем, предлагал заключить военный союз и почему-то написал, что ведёт свой род по материнской линии Глинских от темника Мамая, бившегося с Дмитрием Донским на Куликовом поле, и что земли роду Глинских в бывшей Синей Орде, а ныне Великом Княжестве Литовском, были пожалованы сто лет назад князем Витовтом. При этом о Казани, о царице Сююмбике, о русской политике в отношении Казанского ханства не было сказано ни слова... «Что-то здесь не так, хитрит царь Иван», — думал бий Юсуф... Но как бы то ни было, на тот момент Ногайская Орда и Московское княжество жили мирно, если не считать ордынские набеги на русские окраины малыми силами. Урусуты Орду тоже не беспокоили, видимо, были заняты чем-то ещё... Так чем же они были заняты?

В юрту вошли сыновья бия Юнус и Али:

— Разреши, отец! — Али протянул отцу бумагу. — Вот, долгожданные вести из Казани!

— Что, приехал гонец?

— Нет, отец, письмо принесли дервиши...

«Ааа, дервиши... Дервиши прошли сквозь дозоры... Воистину, Аллах любит дервишей» — подумал Юсуф и спросил:

— Сколько их? Они шли пешком? Сколько же дней они шли к нам?

— Три человека, отец... Четыре месяца они шли, целых четыре месяца...

— Почему же Сююн не прислала гонца?

— Отец, дервиши говорят, царь урусутов Иван окружил Казань с юга и севера, никого не пропускает и не выпускает из города... Наверное, все гонцы были перехвачены!

Юсуф-паша раскрыл письмо... По мере того, как он читал арабскую вязь, его лицо мрачнело всё больше... В конце концов он сказал сыновьям: «Собирайте военный совет, будем думать, как Сююмбике помочь, от беды её огородить! Как она пишет, уж больно урусутский царь Иван на неё ополчается!»

Итоги военного Совета в Ногайской Орде были неутешительны... Сыновья бия Юсуфа, молодые, горячие парни Али, Юнус, Ибрагим и Эль-мурза предлагали собрать большое войско и двинуть на Казань. Родной брат Юсуфа, младший соправитель Орды нурадин¹ Исмаил был против активных действий, говорил: «С царём московским у нас мир, надо действовать осторожно! Вначале надо послать лазутчиков на разведку, узнать, что и как, а только потом принимать решение о военном походе!» Сам же Юсуф-паша, опасаясь за жизнь Сююмбике с внуком, на Совете склонился к точке зрения младшего брата, опыт и осторожность победили молодость!

«Подождем! — думал бий Юсуф. — Иначе царь московский может на дочери отыграться! Сперва надо послать лазутчиков, выяснить, что и как, и только потом действовать!» Не знал бий Юсуф, что его младший брат Исмаил уже вступил в тайные переговоры с русским царём через посланника Московского царства Петра Тургенева², потомка татарского мурзы Арслана Тургена, что хитрые урусуты уже ставят палки в колеса ногайцам! Не решился, промедлил с оказанием военной помощи Казанскому ханству бий Юсуф, время было упущено. Сам биклярбек тоже прожил недолго, через три года, в 1554 году, он был убит своим младшим братом Исмаилом, который в результате переворота захватил власть в Ногайской Орде.

* * *

Мухи, белые мухи летят за окном... В тоскливом зимнем Касимове идёт снег... Бывшая царица Сююмбике, некогда правительница всего Казанского Ханства, дочь бия Ногайской Орды, смотрит в желтоватое стекло своей светлицы... Небольшой ветер завывает под окном, и мухи, белые мухи, нагоняют на царицу тоску.

Царь Иван прислал Сююмбике из Кремля в Касимов... Окружение Шигалея встретило бывшую царицу враждебно. Великим людям, когда они лишаются власти, своего состояния и положения в обществе, не прощают былого величия. Особенно старались уколоть Сююмбике старшие жены Шигалея, коих у него было две. Сююмбике не стала жить во дворце среди недоброжелательниц, она попросилась в угловую башню Касимовского Кремля... Вскоре из Москвы пришёл приказ царя — выдать Сююмбике замуж за касимовского хана... Так царь награждал верного Шигалея за его преданность. Приказ привёз князь Пётр Серебряный, свадьбы как торжества не было, был лишь исламский свадебный обряд «Никах». Провести свадебную ночь с Шигалеем Сююмбике отказалась... Тогда Шигалей написал царю Ивану гневно-жалобное письмо — не признает Царица Казанская твоей, Великий Государь Иван Васильевич, власти над собой... Выслала вон меня с брачного ложа! Силою, что ли, её брать? Царь обозлился и прислал новое распоряжение — отнять от Сююмбике маленького сына Утямыш-Гирея и передать его на воспитание царёвым нянькам в Московский Кремль! Это был настоящий удар для матери! Такова особенность русского самодержавия — коль не получается лаской, заставить силой, запугать, унижить, покорить! Со слезами проводив сына, царица замкнулась, перестала принимать пищу и выходить из своей башни.

¹ Нурадин — титул соправителя-военачальника в Ногайской Орде

² Пётр Дмитриевич Тургенев — боярин, посланник царя Ивана Грозного в Ногайской Орде. Бояре Тургеневы известны на Руси с XV века и ведут свой род от татарского мурзы Арслана Тургена, в крещении Ивана Тургенева

Мухи, мухи, белые мухи... Сююмбике не плакала, только была грустна и смотрела в окно... Зачем ей жить, ведь всё лучшее у неё уже в прошлом! Теперь ещё и сына отняли! Мурзы, приближённые мои, знать казанская — как они могли предать меня? Почему отец не поддержал меня, почему не прислал своих воинов? Как там мой Утямыш, каким он стал у царских нянек, о чём думает? Вспоминает ли свою тоскующую мать? Не обижает ли его грозный царь Иван?

Царица вспоминала любимого мужа Сафу-Гирея, его открытую улыбку, стройный стан, умные глаза... Да, он был орёл! Как же не сберёг он себя? Почему человеческое счастье столь быстротечно?

В один из таких тоскливых, серых, слякотных дней к Сююмбике в башню пришёл Шигалей... Он недавно вернулся из Казани, царь Иван пытался в очередной раз сделать его казанским ханом... Получалось плохо, люди знали Шигалея и не признавали его власти над собой... В Казани продолжалось брожение, город был близок к бунту... В результате Шигалей вернулся на кратковременную побывку домой, в Касимов.

Войдя в башню, Шигалей молвил:

— Мир тебе, Сююн, бывшая Царица Казанская, а ныне жена моя! Как поживаешь ты здесь, без меня, мужа своего?

Сююмбике устало, с усмешкой посмотрела на него...

— Не смейся надо мной хоть ты, хан Шигалей, мало что ли натерпелась я в этой жизни, в том числе, и от тебя! И какая я жена тебе?! Ты же знаешь, не моя это воля, а пожелание грозного царя Ивана! Постыдился бы памяти брата своего, Эналея...

Шигалей раздражённо ответил:

— Чего же мне стыдиться, Царица? Сейчас ты мне принадлежишь по обычаям нашим, своё по праву хочу я взять!

— Какие права у тебя на меня? Или думаешь, царь русский тебя приласкал, можешь творить что хочешь, Аллаха не боишься?! Честь не посрамлю я свою! Не люблю я тебя и не уважаю! Тогда уж лучше пусть царь русский мной владеет, чем ты...

Шигалей криво ухмыльнулся:

— Так надо было царя-то завлечь, Сююн! Очаровать красотой своей Ивана... Я-то видел, как он смотрел на тебя там, в шатре, у стен казанских... Болтают ближние, портрет у него твой есть, любитесь тобой вечерами! Не следовало бы гордиться перед царём Иваном, что от Чингиза Великого и Бату-хана род ведёшь! Надо было его приласкать, соблазнить, была бы наложницей его, глядишь, в Кремле сейчас жила бы, с золотой посуды кушала, ни в чём отказа не знала! И сына бы тогда у тебя не отняли! Какой же мужчина, будь он и царь, откажется от ласки такой красавицы!

Шигалей с вожделием глядел на свою пленницу, пытался игриво приобнять её, притянуть к себе рукой!

Сююмбике бесстрастно отодвинула от себя хана и устало ответила ему:

— Как же глуп ты, хан Шигалей! Вроде взрослый уже, живот вон какой наел, а думаешь, как младенец! Как степная лань может очаровать волка лютого? Не я царю Ивану нужна была! Земля ему наша понадобилась, объединить с Москвой её возжелал! А чтобы сына царь Иван отнял, ты ведь сам позаботился, пожаловался ему, что воле твоей не покоряюсь...

Помолчав, Сююмбике добавила:

— Прошу тебя, заклинаю памятью младшего брата твоего, Эналея, уходи! Видеть тебя не хочу, постыл ты мне! Не получится у нас с тобой никакого союза, лучше с года умру, чем с тобой ложе разделю!

Презрение сквозило в голосе Царицы Казанской! Так грубо касимовского хана ещё никто не отвергал!

Шигалей в сердцах достал камчу¹ и огрел ей дверной косяк в башне... «Чтобы тебя шайтан прибрал!», — выругался он в адрес царицы и вышел на улицу...

Мухи, мухи, белые мухи кружатся за окном на зимней улице... Странная боль в груди появилась у Царицы Казанской, сердце то стучало чаще, то замедляло свой ход, то вообще замирало, всё чаще перехватывало дыхание, Сююн держалась за грудь, ей не хватало воздуха. Где ты, чистый степной ветер, наполняющий лёгкие, где ты, запах полыни и ковыля? Где вы, Великая Степь, голубой Яик, славный Сарайчик? Где вы, любимые отец и братья? Почему не идёте на подмогу своей Сююн?

Есть Царице совсем не хотелось, мясо и фрукты, которые ей приносили в башню, оставались нетронутыми. Только воду пила Царица немного... Слёз у Царицы тоже не было, сухими были красивые глаза её! Как говорили древние — «пока есть жизнь, есть и надежда!» Но что делать в случае, если надежда ушла, если кажется, что все славные свершения в прошлом, если ты предана и забыта всеми, и ближними, и дальними, если силою разлучена с самым близким человеком, со своим утешением — родным сыном, если ты, в прошлом царица, перед которой преклонялись народы, оклеветана, подвергнута насмешкам и презрению? «Да и зачем мне жить на постылой стороне, в ненавистном Касимове, без сына, без моих родных! Пусть Аллах призовет меня к себе, там я своего любимого Сафу увижу, там меня встретит народ мой, жители Сарайчика и любимой Казани, там я снова буду царицей и буду править, дарить свою любовь и милосердие людям!»

Мухи, мухи, белые мухи... Тоска, уныние, одиночество... И память, память, сны, цветные картинки: детские шалости, улыбка матери, крепкие объятия отца, сцены славного казанского прошлого! Сафа, муж любимый! Страх за малыша Утямышша, как он там, родная кровиночка, среди чужих людей? Здоров ли, помнит ли о любящей матери своей?

* * *

Царь Иван Васильевич часто вспоминал своё детство... Отец царя, Великий князь Московский Василий III, умер, когда Ивану Васильевичу исполнилось три года, а брату, немому от рождения, Юрию — один год. Пока его матушка, Великая княгиня Елена Глинская, была жива и правила в Государстве Московском, у мальчиков всё было хорошо, о них была забота, няньки, дядьки, дворцовая челядь, дворовые работники — все уделяли царевичам должное внимание. Но вскоре за отцом внезапно умерла матушка царя, по подозрениям Ивана Васильевича и ряда ближних бояр, она была отравлена. Не приняла часть боярского сословия княгиню Елену Васильевну, не могли бояре простить ей ливонского происхождения и того, что отодвинула она от власти семь назначенных князем Василием регентов, опекунов царевичей. Мальчики остались одни. Вот тогда-то юный Иван и осознал все «прелести» боярского правления при малолетнем царе. Мальчиков часто запирали в башне деревянного царского дворца на Воробьёвых горах, их забывали покормить, не разрешали гулять и заниматься тем, чем любят заниматься обычные мальчишки — играми в казаки-разбойники, в салки, играми в войну против крымцев или ливонцев. Вместо того, чтобы носиться как угорелые по двору и выпускать из себя мальчишечью прыть, Иван и Юрий из окна деревянной башни смотрели, как бегают по улице их посадские сверстники и завидовали им. Но хуже всего стало то, что мальчишек-царевичей стали «шпынять», отвешивать им то подзатыльники, то пинки, и дети часто плакали, забившись в тихий уголок. Если Иван Васильевич как старший мог возмутиться и высказать своё недовольство, то его глухонемой маленький брат Юрий только мычал что-то невнятное и затравленно смотрел на обидчиков большими голубыми глазами...

¹ Камча — кожаная плеть

Особенно в нанесении обид преуспевал боярин Андрей Михайлович Шуйский, по прозвище Частокол¹. Он был человеком лет сорока — сорока пяти, крупным, с широкой костью, рыхловатым брюшком, с резкими чертами лица, жидкой бородёнкой и выпученными, как у совы, глазами. Никто точно не знал, почему его прозвали Частоколом, может, потому, что у старшего брата его, Ивана, было прозвище Плетень, а может, потому, что когда был горяч, хватал в руки что ни попадя, и колья от забора в этом случае были в самый раз! Шуйские были представителями суздальской ветви Рюриковичей, и творили они злые дела свои на правах царёвых родственников. Однажды, прямо на заседании Боярской думы, Андрей Частокол сцепился с боярином Фёдором Воронцовым, сдержанным и спокойным человеком, и вместе со своими подручными до полусмерти побил его прямо в палатах. Испуганный маленький царь спрятался за митрополита Макария², который пытался разнять дерущихся и заступиться за Воронцова, спасти его от убийства. Но у митрополита вырвали его посох и два-три раза так ударили им по спине, что он потом ещё несколько дней ходил, согнувшись от боли...

История с боярином Андреем Шуйским разрешилась в 1543 году, когда царю Ивану было тринадцать, а брату Юрию Васильевичу — одиннадцать лет. При правлении матушки Елены Глинской боярин Андрей сидел в темнице по подозрению в государственной измене, но когда Великая княгиня почила, его быстро выпустили на свободу. Андрей Шуйский был циничным, расчётливым, упорным в достижении целей, жестоким человеком, но хуже всего было то, что пьяным он становился абсолютно неуправляем, мог ругаться последними словами, мог ни за что унижить, избить, а то и убить человека. Когда пьяный Частокол куда-нибудь приходил, все присутствующие, зная его привычки, под разными предлогами покидали это место. И вот боярин на правах, по его мнению, несправедливо пострадавшего от княгини Елены, стал похаживать на царский двор и чинить там самоуправство. И, конечно, будучи пьяным, а это случалось довольно часто, Андрей Михайлович не сдерживал себя, гонял царевичей, обижал их ни за что, а заступиться за мальцов было некому... Эх, и досталось царевичам, а особенно Ивану, который хоть как-то отвечал на бесчинства боярина и заступался за маленького братишку...

Однажды летним вечером боярин Андрей ввалился во дворец, когда няньки только начали кормить детей ужином. Он достал из кафтана початую бутылку, налил себе, выпил и вышвырнул княжичей из-за стола со словами:

— Ну что, щенки, пожрали? Пшшшли прочь! К псарям их, щенкам место на псарне!

Старая царская нянька Аграфена возмутилась:

— Боярин, да как так можно? Дай мальцам поесть, а потом они уйдут к себе в покои! Сиротки они. Не мори мальцов голодом, боярин, не бери грех на душу...

Пьяный боярин возразил:

— А я когда в темнице сидел, меня кто кормил? Воды мне кто приносил? Ты спроси меня сперва, старая, голодал я в узилище³ или нет? А потом только будешь мне указывать!

Тринадцатилетний Иван подал голос:

— Боярин, как смеешь гнать ты нас! Я наследник Великого князя, я Рюрикович!

Андрей Шуйский злобно осклабился и схватил Ивана за волосы:

— Это ты-то Рюрикович? Да твоя мать Елена-потаскуха ливонская, прижила тебя не пойми от кого, неизвестно, какого ты роду-племени. Пошёл прочь... Старуха,

¹ Шуйский Андрей Михайлович («Частокол») — русский боярин и государственный деятель, притеснял юных царевичей, убит по приказу тринадцатилетнего Ивана Грозного в 1543 году царскими псарями

² Митрополит Макарий (1482–1563) — архиепископ Новгородский (1526–1542), митрополит Московский и всея Руси (с 1542 года)

³ Узилище (старорусское) — тюрьма

я сказал, на псарню их, там им самое место, — и Андрей отвесил молодому княжичу звонкую оплеуху...

Иван и Юрий в слезах пошли на псарню... Старая Аграфена догнала их, сунула по краюхе хлеба:

— Вот, детки, хоть поешьте! Потерпите, родненькие мои, ничего не можем с дураком поделатъ...

— Пусть подождёт, пока я подрасту, няня! Уж я-то с ним посчитаюсь, — сквозь слёзы сказал Иван...

— Подрасти, подрасти, дитяtko, считаешься! Ступайте, детки! — Няня нежно погладила юных братьев по головке и перекрестила их...

Тем временем боярин Андрей, оставшись за столом один, изрядно приложился к бутылке. Его тяжёлый взгляд упал на симпатичную дворовую девку Дуняшку, чернобровую, стройную, с косой, лет двадцати...

— Эй, красавица, как зовут-то тебя? — Язык у боярина изрядно заплетался...

— Дуняшкой кличут, — ответила девушка...

— А ну-ка, Дуня, иди сюда, покажи, что у тебя под подолом! Иди сюда, кому сказал! Я сейчас тебя пожалею, — Андрей вывалился из-за стола, сгрёб девку огромными ручищами и поволок её в тёмный угол...

— Отпусти, боярин, отпусти, грех же! Господи, грех-то какой! Помогите! Помогите! — девушка стала громко кричать, а боярин, потешаясь, зажал ей рот рукой, а другой полез под платье. Все дворцовые слуги боязливо спрятали глаза, никто не хотел связываться с пьяным самодуром...

Царская псарня располагалась недалеко от дворца и представляла собой длинную деревянную постройку. На ней служили два брата, Фрол и Никодим, два здоровых, добродушных крестьянских парня, косая сажень с плечах, огромные кулаки, очень сильные от природы. Псари были погодками, одному было двадцать пять, другому двадцать четыре года, оба ещё неженатые... Фрол был балагуром, здоровый, белокурый, улыбочивый, Никодим, напротив, был угрюмым молчуном... Парни баловались тем, что участвовали в кулачных боях, «стенка на стенку», сходились и бились на Москве-реке то со стрельцами, то с посадским людом, поэтому свернуть кому-то скулу или посчитать ребра для них было делом привычным.

Царевичи в слезах пришли на псарню, и юный Иван Васильевич просто разрыдался на груди у Фрола. Тот, утешая царевича, приобнял его за плечи и сказал:

— Не плачь, Государь, нельзя царям плакать! Иван Васильевич, ты хоть и молод, но Государь, а боярин Андрей, хоть и знатен, но холоп твой... Мы все холопы твои, княжич, и он в том числе... Надо же, как он возомнил-то себя... Ты, Ваня, как в следующий раз придёт боярин Андрей пьяный во дворец, замани его к нам на псарню, а мы уж с братом тут его поучим... Верно я говорю, Никодим?

— Угу, — немногословно сказал брат...

— Замани, замани, Ванюша, мы здесь за тебя посчитаемся.

— Хорошо, заману гада! — сжав маленькие кулачки, ответил царевич.

Следующего раза пришлось ждать достаточно долго. Как нашкодивший пёс, боярин Андрей долго не навещался во дворец. Уже холодало, мальчишки редкий раз не сидели в башне взаперти, а играли во дворе, когда во второй половине дня один из детишек царских слуг забежал на двор с криком:

— Андрейка Шуйский идёт, пьяный Андрейка Шуйский идёт... Прячьтесь, гонять сейчас всех будет!

Вскоре послышался шум, это шёл пьяный боярин... В руках у него была небольшая сыромятная ногайка¹.

— А ну-ка, чего тут делается? И кто тут супротив меня? А ну-ка, иди сюда, смердёнш, — Андрей огрел ногайкой прибежавшего мальчишку. Тот заплакал и пулей вылетел с царского двора...

Иван встал между боярином и младшим братом Юрием...

— Уйди, боярин, не бей нас!

— Ааа, ливонское отродье, вот вы где! Ну, подождите, я вас поучу! Получай, получи! — Заорал боярин и через руку Ивана начал бить девятилетнего Юрия!

— Не тронь, боярин, больной он! — закричал Иван и получил сильный тычок в затылок, боярин ладонью швырнул его на землю.

— Больной он, говоришь! Так пушай выздоравливает! — удары плети без жалости опускались на младшего брата...

Маленький глухонемой Юрий Васильевич ничего не понимал, только тихо взвизгивал при каждом ударе плети. Детские глазки смотрели затравленно и испуганно, детские ручки неуклюже пытались защититься. Юрий спрятался от ударов ногайки под высокое деревянное крыльцо.

Иван, лёжа на земле, заметил небольшой камень, продолговатую гальку, размером с хороший грецкий орех...

«Держись, гад!» — подумал он, зажал камень в ладошку и вскочил на ноги.

— Смотри, боярин, что у меня для тебя есть! Получай! — И Иван засветил камнем боярину прямо в лоб!

— Ах ты, тварёнш! Ублюдок ливонский! — Боярин, вне себя от злости, погнался за Иваном, а тот уже стремглав мчался на псарню! Он истошно кричал:

— Дядя Фрол, дядя Фрол! Помоги! Пьяный боярин гонится! Дядя Фрол!

Фрол с Никодимом неторопливо вышли из ворот псарни... К ним изо всех сил бежал Иван Васильевич, а за ним осатаневший от боли и ярости боярин Андрей Шуйский с ногайкой наперевес.

Фрол выступил вперёд, прикрывая Ивана:

— А ну, боярин, не балуй!

Раз — сильной жилистой рукой была перехвачена ногайка! Два — мощный кулак правой руки вонзился боярину в рыхлый живот, из-за чего тот согнулся пополам и захрипел! Три — Фрол отпустил руку с ногайкой и ударил слева. Удар левым кулаком в скулу сбил корчащегося от боли боярина с ног, тот стал кататься по земле!

— Да как ты смеешь, смерд! — только и смог выдать он из себя...

— Гад, гад, подлый гад! Брата, брата больного побил! — Иван вцепился маленькими ручками боярину в волосы и бороду!

Фрол расцепил руки Ивана:

— Не балуй и ты, княжич! Не дело государям холопов самолично за чубы таскать!

Тем временем боярин катался по земле, из уст его посыпались угрозы!

— Что делать будем с ним, княжич? — Фрол внимательно посмотрел на Ивана Васильевича.

— Удави его, гада, дядя Фрол! Ненавижу, ненавижу его!

Фрол сделал небольшую паузу и, видя неотступную решимость в глазах Ивана, молвил:

— Хорошо! Будь по-твоему, Государь! А ну-ка, Никодим, пособи, на ноги сядь ему! Извини, боярин, повеление Государево! — И с этими словами сыромятная ногайка была накинута боярину Андрею на горло. Тот захрипел и задёргался в последней агонии...

¹ Ногайка — короткая кожаная плеть для управления лошадьё

Через минуту всё было кончено. Перед царём Иваном лежало бездыханное тело боярина!

— В канаву его, дядя Фрол! — сказал Иван.

— Хорошо, Государь! Никодим, принеси что-нибудь накрыть боярина, чтобы бродячие собаки не объели!

Тело было накрыто мешковиной и сброшено в ров ...

Как известно, дурные вести распространяются быстро, и через три часа родственники Шуйского, отец и дядья, знали, что боярина Андрея удавили на царском дворе по приказу Ивана Васильевича! Поражало бояр вот что — как тринадцатилетний подросток мог отдать столь жестокий приказ?! Бояре ведь до сих пор считали государя мальчишкой! Отец Андрея, пожилой князь Михаил Васильевич вместе со старшим сыном Иваном и со слугами прибыл во дворец за телом Андрея, и, узнав обстоятельства дела, подумал:

— Да, перегнул пьяный сынок палку! Не доведёт хмель до добра! Коли пить не умеешь — не пей!

В ответ на просьбу Шуйских выдать им псарей для расправы Иван Васильевич ответил отказом:

— Слуги они государевы! По моему приказу они действовали! Разбойничал Ваш сынок на царском дворе! И передайте всем, впредь всегда так будет! Кто чинит самоуправство и разбой, головой отвечать будет!

Так сказал будущий царь Иван, а за спиной его стояли здоровенные псари и собравшийся дворцовый люд...

— Хорошо, Государь, пусть по слову твоему будет! — Шуйские возражать юному царю не решились, забрали тело Андрея Михайловича и ушли с царского двора.

Псари Фрол и Никодим после этого недолго занимались с собаками. Молодой царь не забыл их заступничества и перевёл сперва в стрельцы, а потом и в начальники стрелецкие. Братья получили по хорошему дому в Стрелецкой слободе на Сретинке, женились на московских красавицах и нарожали кучу детишек. Верно служили Фрол и Никодим царю Ивану Васильевичу, много и хорошо воевали, участвовали и в Казанских походах, и с крымцами бились, и на Новгород ходили, а головы сложили в кровопролитной Ливонской войне. В целом хорошо сложилась судьба братьев, служили они достойно, а погибли за дело государево, за землю русскую и избежали мести Шуйских, потому что бояре всю жизнь не упускали братьев из виду и вынашивали планы посчитаться за Андрея Михайловича! Одна ветвь бояр Шуйских, к коей принадлежал воевода Пётр Иванович, добросовестно служила царю, пользовалась почётом и уважением, другая же плела интриги и заговоры, доверия в полной мере к потомкам Андрея Частокола не было...И хотя внук убиенного боярина Андрея, Василий Шуйский, стал в Смутное время царём Московского царства¹, уважением и популярностью в народе он не пользовался, его презирали и при удобном случае свергли с престола со словами: «Тебя не любят, и служить тебе не хотят!» Затем бывший царь Василий Шуйский был пленён поляками, увезён в Речь Посполитую как «трофей» и умер в Гостынинском замке близ Варшавы в судьбоносном и решающем для России 1612 году.

А после случая с боярином Андреем на Москве прозвали Ивана Васильевича Грозным... Грозным и жестоким с молодых лет... Начала свой неторопливый восход кровавая звезда царского гнева! Бояться стали подданные вспышек ярости юного Государя, прятались от глаз Государевых, от скорых на расправу ближних царских людей!

¹ Василий Иванович Шуйский — русский царь с 1606 по 1610 год,

Утром одного из июльских дней 1552 года в палаты к царю вошёл встревоженный окольный Алексей Адашев¹.

— Прости, беда, Государь!

— Что случилось, Алексей? Что за суматоха с раннего утра?

— Васю юродивого побили купцы-калачники со Звенигорода... Сильно побили. Заболел Вася! Я, Государь, велел его в палаты твои принести! Вон он, в светёлке лежит!

— Господи, да что же это за наказание такое! Быстро пойдём, посмотрим! Скорее!

Царь в сопровождении Адашева вышел в переднюю комнату... На два бердыша, приспособленных под носилки, были наброшены небольшие доски и накинута стрельцкие кафтаны, на них в углу светёлки лежал по пояс обнажённый блаженный Василий. Рядом стояли двое стрельцов, принёсшие святого. На левой скуле юродивого выделялся огромный кровоподтёк, отливающий синим цветом. Но сам Блаженный приветливо улыбался, хотя и держался рукой за поломанные рёбра.

Царь присел около носилок, погладил Василия по голове:

— Вася, друг мой сердешный, что с тобой?

Юродивый зататорил своей обычной скороговоркой:

— Вот, царь Ванюша, купцы на площади побили...

— Ах, ты, вот ведь оказия... Ты потерпи, Вася, мы порядок быстро наведём!

— Ваня, милый мой, прошу, не казни их... Не разобрались они...

— Ладно, Вася, ты лежи пока, я мигом! Лекарей сюда! Алёшка, за мной! — царь кивнул Адашеву, тот выбежал вслед за Иваном.

— Злодеев нашли?

— А что искать-то, Государь, вон они, на дворе Кремлёвском, отец и сын...

На выходе из палат, перед царским крыльцом толпился народ: бояре, стрельцы, слуги, конюшие... Здесь же был вездесущий Курбский. В середине толпы стояли и получали лёгкие тумачи купцы — отец, коренастый, бородатый, в нарядном кафтане, и молодой сынок его, здоровенный детина лет двадцати в льняной рубахе. Они были напуганы, что попали в такой переплёт! Их, никому неизвестных купцов, силой приволокли на Кремлёвский двор, к грозному самодержцу!

Царь сбежал с крыльца:

— Эти что ли, Алексей?

— Они, злодеи...

Царь вцепился в окладистую бороду:

— Вы что же это творите, ироды? За что святого человека побил, поганец?

Купец со страху еле лепетал:

— Прости, Государь! Прости нас!

В разговор вмешался Адашев:

— Не он это, Государь! Сынок его, оглобля деревенская!

Царь отпустил бороду отца и вlepил здоровому детине оплеуху:

— Ах ты, смерд! Чем не угодил тебе Божий человек? Силу некуда девать?

Детина от страха заплакал:

— Прости, Государь! Виноватый я... Прости, Государь, только не губи!

— Что Вася вам сделал? За что вы с ним так?

— Он нам на торжище булки и калачи разметал, все прилавки перевернул!

¹ Алексей Фёдорович Адашев — окольный, воевода, приближённый царя Ивана Грозного. Также являлся начальником Челобитного приказа, постельничим и хранителем личного архива царя вместе с печатью. После смерти царицы Анастасии Романовны в 1560 году попал в опалу и умер в заключении

Царь задумался:

— А почему он их разметал? Что сказал он вам?

Купцы смущённо замялись.

— Что молчите? В рот воды набрали? Отвечайте, псы! Алексей, Андрей, в чём дело?

— Государь, Блаженный Василий сказал, что они известь в муку подмешивают! — сказал Курбский, сверля купцов ненавидящим взглядом.

— Ах, ты, вот ведь в чём дело! Вот так Вася прозорливый! Поганцы лукавые! Признавайтесь, подмешивали?

Отец и сын молчали...

— Ещё раз вас спрашиваю, подмешивали или нет? Воры проклятые! А то на дыбу велю вас вздёрнуть, там во всём сознаётесь!

Отец тяжело промычал:

— Ну, было...

— Что было? Подмешивали, гады ползучие?

— Было, Государь... Торговля плохая, убытки у нас...

— Убытки?! Так вы мне народ московский решили потравить? За счёт подмеса убытки покрыть? Вот так купцы, вот так честная торговля! — Царь повторно обратился к молодому купчику. — Ты бил Васю?

— Бил, Государь, бил, виноват! Прости, Государь! — Детина опять зашёлся в слезах.

— Чем бил, покажи?

— Вот этим, Государь! — Детина сжал ладони в огромные кулаки.

— Да у тебя, болван, кулак больше, чем голова у Васи Святого! Отрубите ему руку по локоть. Чтоб ума набрался! — Стрельцы сделали шаг вперёд...

— Государь, прости! Не руби руку! Как я потом? — детина в слезах повалился на колени...

— Дозволь, Государь! — старый купец выступил вперёд. — Меня казни, плохо я сына воспитал! Пощади сына, жениться ему ещё! Руки нужны в хозяйстве!

— Да, Государь, такая сила пригодиться могла бы... Если на нужное дело её направить! — задумчиво молвил Алексей Адашев.

— Ух ты, обормот! Голова берёзовая! — Царь ещё раз вlepил детине оплеуху. — Слышь, купец, есть у тебя ещё сыновья?

— Есть, Государь, отроки Демьян и Прокопий.

— А этого как звать?

— Никита, Великий Государь!

— Ладно... Никита, говоришь? Алексей, Андрей, кого перед собой вы видите? А? Кого?

— Дурака неразумного в руке твоей, Государь! — молвил Курбский. Адашев молчал, чувствуя в словах царя какой-то подвох...

— А вы кого видите, люд московский? — Царь Иван обратился к стрельцам и слугам...

— Дык, дурня видим, Государь! Силы много, а ума нет! — зашумели вокруг люди...

Царь хитро улыбнулся:

— А я вот перед собой послушника вижу монастырского! Камни большие несёт, стену строит! Стрельцы, в узы его, в телегу и на Соловки, к игумену Филиппу Колычеву¹ в услужение! Да напиши, Алексей, бумагу сопроводительную, чтобы игумен построже там с ним, чуть что не так, чтоб пороли его хорошенько... Для ума!

— Слушаемся, Великий Государь, будет сделано! А с отцом что?

¹ Митрополит Филипп (в миру Фёдор Степанович Кольчев, 1507–1569) — епископ Русской православной церкви, митрополит Московский и всея Руси с 1566 по 1568 годы. До избрания митрополитом был игуменом Соловецкого монастыря. Из-за террора опричников вступил в открытый конфликт с царём в 1568 году. Находясь в ссылке в Твери, убит начальником опричного войска Малютой Скуратовым в 1569 году

— С отцом? А с отцом вот что... Слышь, купец, забирай свой лукавый товар и умайвай из Москвы, чтобы не видел я тебя! Я вот имени твоего не спросил, потому что знать тебя не хочу, вора! Другие сыновья помогут тебе в хозяйстве! Не попадайся мне на глаза больше, иначе, честное слово, собаками затравлю. Вася Святой губить вас не велел, заступился за обидчиков своих, послушаю его в этот раз, но с глаз моих долой! Пока не передумал я, и беды с тобой не вышло...

Стрельцы взяли парня под руки и повели со двора... Отец опасливо покосился на царя.

— Прощай, батя! Даст Бог, свидимся. Прости меня, не разобрался я, — крикнул парень отцу... Оба заплакали.

— Скажи спасибо, что головы с вас не сняли, что ногами своими с царского двора уходите... За Васю Блаженного Государь мог бы! Дурачье звенигородское! — вполголоса сказал стрелецкий голова¹.

Царь велел разместить Блаженного Васю в царских палатах и вечером с царицей Анастасией Романовной пришёл проведать святого... Василию не стало лучше, он лежал не шевелясь, был очень слаб... Открыл глаза:

— Государь, матушка Царица! Надо же, ко мне вы пришли! Радость-то какая! Исполнил просьбу мою, Царь Ванюша, не сгубил купцов-то?

— Нет, не сгубил! На Соловки меньшого, а старого выгнал из Москвы за гнилой товар! Пожалел по слову твоему, Вася! Надо было головы срубить им, кочаны капустные...

— Правильно пожалел, Царь Ванюша! Исправятся они!

— Так побиили же они тебя, Вася! Болеешь теперь...

— Старый я уже, Ваня, помирать пора! Побиили — не побиили, всё одно... Сколько же можно по Москве гулять... Господь призовет меня скоро! Видишь, обличение им не понравилось моё! Рад я, что через правду смерть за мной пришла!

Царь отчаянно воскликнул:

— Вася, друг мой сердешный, поживи ещё! Нужен ты мне, царице, детушкам нашим...

— Нет, Ванюша, время моё подходит... Старый я уже... Я ещё деда твоего Ивана Великого помню... Вон сколько мне годков! Попрошу тебя перед смертью, Ванюша — добрым будь царём, не озлобляйся... Милосерден будь, добрым Пастырем для люда христианского, как Господь наш! Иначе беда будет! Как державу строить будешь, стойку испытания свои держи, но сердцем не каменей... Молись больше, через молитву благодать приходит людям!

— Хорошо, Вася мой любимый, пусть будет по слову твоему! — царь заплакал, царица вместе с ним...

Святой Василий улыбнулся:

— Не плачьте, Государь и Государыня, нельзя самодержцам плакать...

Через два дня, в середине августа, Блаженный Вася почил... Отлетела светлая, невинная душа друга царёва, крестьянского сына Василия Блаженного ко Господу!

* * *

Летом 1552 года ситуация вокруг Казани продолжала осложняться, подобно тому, как затягивается петля аркана на шее непослушной лошади. Казань выполнила условия русского царя, отдала ему Горную сторону, отпустила всех русских невольников из плена, число которых составило примерно шестьдесят тысяч. Когда же царь Иван прислал

¹ Стрелецкий голова — воинская должность в русских воинских формированиях. Обычно голова командовал отрядом стрельцов

взамен царицы Сююмбике казанцам в очередной раз хана Шигалея, то казанская знать и простой народ не приняли его, как предателя интересов татарского народа. Почти одновременно с назначением полетели в Москву письма: «Великий Государь, уברי от нас Шигалея, дай нам другого царя или воеводу, не хотим мы его». Шигалей же в отместку за непокорство стал расправляться с недоброжелателями, кого-то брал в заложники, кого-то травил, кого-то казнил. Царь Иван надумал пойти навстречу народу казанскому, прислать воеводу, но опоздал. Население Казани взбунтовалось и изгнало ненавистного касимовского хана, а взамен пригласило на казанский трон астраханского царевича Едигера, того самого, который участвовал во втором походе русских на Казань. Едигер, ушедший к тому времени с русской службы и уехавший в Астрахань, прорвался в Казань с небольшим отрядом ногайцев и захватил власть в надежде удержать казанский трон. Такого самоуправства и противления собственной воле русский самодержец не потерпеть не мог.

Московитами была собрана армия в сто пятьдесят тысяч человек, невиданная в этих краях со времён покорения Волжской Булгарии Бату-ханом, вооружённая по последнему слову военного искусства того времени. Со стороны Волги действия пеших войск и конницы поддерживала речная флотилия, «судовая рать». На стороне Ивана Грозного были и татарские отряды с Касимовского и Астраханского ханств, в царском войске были московские, нижегородские татары, и даже казанские татары, успевшие убежать из родного города от междоусобной резни, численность союзных татар достигала тридцати тысяч человек, и ещё по десять тысяч человек составляли мордовские воины и чуваша. Были взяты «под ружьё» и представители других народов: черкесы, литвины¹, итальянцы, поляки, немцы, шведы. То, что в царском войске находились татарские отряды во главе с ханами и мурзами, которые служили и воевали хорошо, придавало войне несколько иной смысл. Так Москва и Казань боролись за наследие монгольских ханов, за право стать новой Золотой Ордой!

Иван Васильевич не хотел кровопролития, не хотел губить мирных казанцев. Он понимал — чтобы безболезненно запустить процессы присоединения к Московскому царству, найти хоть какую-либо опору среди казанской знати и духовенства, город нужно было сохранить. Когда русские войска подступили к Казани, царь Иван послал в город парламентёров с предложениями о капитуляции, о том, чтоб казанцы шли под его «сильную руку». В случае бескровной сдачи защитникам гарантировалась жизнь, сохранение имущества, беспрепятственное исповедование ислама. Предложение царя было отклонено, посланцы царя — изгнаны под насмешки горожан, а страшные казанцы решили драться...

В августе 1552 года началась непродолжительная осада Казанского Кремля... Войску урусутов противостояли шестьдесят тысяч защитников крепости, всех, кто решил отстаивать независимость... Бои шли с переменным успехом, однако в этот раз русская армия была подготовлена к затяжной осаде хорошо и не собиралась быстро уходить от стен Казани... По стенам города била мощная артиллерия, но город выдержал... Русскими инженерами сооружались и двигались к стенам города туры — деревянные осадные башни, с которых вёлся беспрестанный пищальный и пушечный огонь... Казанцы устраивали вылазки, нападали на ратников, поджигали и опрокидывали туры, нападали на артиллерийские орудия и пушкарей, тем самым наносили урусутам значительный урон.

Русские то там, то здесь устраивали подкопы под дубовыми стенами и пытались подорвать укрепления. Подрывными работами руководили английский инженер Бутлер

¹ Литвин (старорусское) — белорус

и литвин Розмысл Петров. В конце концов подобная тактика принесла урусутам успех. Второго октября 1552 года очередной подскоп в город был взорван большим количеством пороха, крепостная стена обрушилась, войско Ивана ворвалось в Казанский Кремль...

Основное сражение разрушилось у ханской мечети. Здесь держал оборону храбрый Кул-Шариф со своими учениками. В неравном бою все защитники мечети пали. Царевич Едигер был пленён, его воины были казнены, а те, кто сложил оружие, были с семьями выселены за стены Кремля, на берег озера Кабан, где потом основали Старо-Татарскую слободу.

Молодой царь Иван впервые понёс существенные потери — десять тысяч воинов пали под стенами Казани. Тела ратников союзного русского войска были похоронены в братской могиле, которая хорошо просматривалась со стен Кремля. Царь сильно горевал по ратникам, по их начальникам, некоторых он знал лично. Защитники независимости Казанского ханства были похоронены под большим гранитным камнем, на некотором отдалении от Кремля, в будущей Ново-Татарской слободе.

Сам Казанский Кремль царь Иван решил коренным образом перестроить. Из Москвы в Казань были привезены для строительства уже известные на Руси псковские зодчие Иван Ширяев по прозвищу «Барма» и Постник Яковлев, псковская артель из двухсот каменщиков, а также много мастеровых людей, которых власти срочно сыскали в Москве, Новгороде, Владимире, Твери и других городах по государеву приказу. Под руководством псковичей были снесены старые полуразрушенные деревянные стены и воздвигнуты новые, белокаменные, мощные, с башнями и бойницами. На территории Кремля было построено несколько православных храмов, только звонницы в этих храмах разместили внутри, чтобы не смущать колокольным звоном местное население, исповедующее ислам.

На пиру, устроенному в честь взятия Казани прямо в Ханском дворце, царь Иван смотрел на веселящихся подданных и думал... «Эх, бояре мои да князья, головы хмельные, всё бы вам покрасоваться да побахвалиться!» Речи подвыпивших воинов на царском пиру содержали много пустого и преувеличенного — кто убил пятерых, кто десятерых, а кто от сорока казанских воинов оборону держал и цел остался! Пропуская мимо ушей пьяные разговоры и славословия, смотря, как кто-то реально кичится своими подвигами, а кто-то только приписывает себе воинскую доблесть, кто-то пьёт медовуху, не считая кубки, заливая горечь ратных потерь, а кто-то сдержанно ведёт себя, не пьёт и не ест, больше слушает, прикидывая, как будет жить при новом государе, царь Иван думал о будущей своей Великой Державе, о Русском Царстве, которое, как Древний Рим или Византия, собрал бы в себя все народы. Играла в Иване кровь римских и цареградских базилевсов, виделась ему огромная Держава от Белого моря на Севере до Чёрного на юге, от Балтики на Западе до неведомых ещё Сибирских земель на Востоке! Да и с Востока пращурь Ивана по материнской линии, темник Мамай и сын его Мансур Кият¹, тоже мыслили большими масштабами, тоже хотели построить огромное государство, избавиться от ханской междоусобицы, возродить Великую Орду! «Одна страна, один народ! Татары, чуваша, черемисы, мордва — тоже мои люди! Всех примем под корону русскую, всех, кто честно трудится, кто любит родную землю, кто желает послужить русскому царю и Державе нашей! С Казани начнётся строительство государства, которое свет не видывал! Отсюда в Сибирские земли пойдём, к народам неизвестным, о которых только в древних летописях написано! Везде поднимем стяг Русский, всех в свою семью примем!»

А когда Грозный царь победоносно возвращался в Москву и проплывал на струге Нижний Новгород в сопровождении небольшой речной флотилии, «судовой рати»

¹ Мансур Кият — старший сын темника Мамаю, основавший род Глинских, погиб в 1391 году в сражении с войсками Тамерлана рядом с современной Самарой

под радостные крики горожан, на пристань прискакал гонец с Москвы с радостным известием: «Государь, у тебя сын родился! Сына родила Анастасия Романовна!» Сбылась мечта Великого Царя, сын, первенец, наследник, продолжатель дела отцовского... Может, и жизнь пойдёт теперь по-другому, может, удастся избежать страшного будущего, предсказанного Блаженным Василием, будет род царский сильным и многочисленным, будет править Русью Великой тысячу лет...

* * *

Через некоторое время по прибытию из Казанского похода Великий Государь Московский Иван Васильевич IV тяжело заболел. В кремлёвской спальне, обложившись одеялами и подушками, царь метался, как загнанный зверь, его кидало то в жар, то в холод, ночью мучали кошмары, он видел разрушенную его войском Казань, убиенных по его приказу людей, факелы из живых людей на крепостных стенах, павших ратников и горожан. Иноземные врачи лечили царя, постоянно предлагали новые рецепты лекарств, порошков, мазей, новые процедуры, но всё было тщетно... Дьяки Разбойного Приказа уже потирали руки, готовясь вздёрнуть лекарей на дыбу, если царь, не дай Бог, умрёт. Царь вызвал к постели бояр, попросил их присягнуть своему малолетнему сыну Дмитрию Ивановичу. Но не все бояре были рады такой воле царя, многие возроптали, возникло замешательство, брожение, на ход которого прикованный к постели Иван Васильевич никак не мог повлиять! Он слышал недовольство, дерзкие речи в притворах своих покоев, но ничего не мог поделывать со смутьянами!

Когда царь потерял счёт дням и ночам, метаясь в горячечном бреде, когда всё смешалось, и он не мог разобраться, спит или бодрствует, произошёл странный случай, до глубины души потрясший больного самодержца. Была ночь, полная луна, царь забылся, вздрагивал и вздыхал в тяжком сне. Вдруг он внезапно открыл глаза. В углу, в полудымке лунного света, ему привиделась Царица Казанская Сююмбике. Облик царицы был воздушным, полупрозрачная фигура как бы парила над полами в спальне.

Испугано вставая с постели, царь молвил:

— Здравствуй, Матушка Царица! Ты как здесь? Я же тебя в Касимов к Шигалею отправил!

— А я вот сама к тебе пришла! — грустно улыбаясь, почему-то по-русски ответила ему Сююмбике.

— Откуда пришла, с Касимова? Это, Матушка Царица Казанская, двести вёрст. Да и стрельцы как тебя выпустили? Головы с них снимаю!

— Не кори их понапрасну. Им, царь Иван, не удержать меня нынче, руки у них коротки!

— Странное дело, Матушка Царица! А зачем пришла-то?

— Спросить пришла тебя, царь Иван! Как дела твои государственные, самодержец? Присоединил ты землю Казанскую к царству Московскому?

— Присоединил, матушка Царица! Теперь вместе жить будем, русские и татары!

— А почто ты меня с моей родной Казанью разлучил? С любимым городом моим? С могилой мужа моего? Уж если и помирать, то на родной земле, не на чужбине!

Царь ответил:

— Нельзя было по-другому... Ты, Матушка, мешала мне в Казани сильно, в берлоге двум медведям не жить, в государстве двум самодержцам не бывать. И так брожения в Казани усмирить не можем, восстания, неурядицы сплошные, то татары, то черемисы

бунтуют, а так народ казанский на тебя бы равнялся, тебя бы слушал! Да и убить тебя твои мурзы могли, как в Орде Золотой ханы друг друга за власть убивали...

Сююмбике грустно улыбнулась:

— Значит, так ты спас меня, грозный царь!? Ну, спасибо тебе! Поклон тебе низкий! А зачем меня за мерзкого Шигадея замуж выдал? Не люб он мне, предатель, позор земли нашей!

Царь молчал...

— А почто с сыном меня разлучил, с душой моей, с маленьким Утямыш-Гиреем? Царь Иван, тебя ведь тоже мать родила... Любила тебя... Скажи мне, как матери без сына?

Царь Иван начал оправдываться:

— Утямыш мне самому стал как сын. Покрестили мы его в Лавре, у Святого Сергия, грамоту учит, язык русский. Утямыш-Гирей служить будет Руси Великой, может, князем, воеводой его в Казань пошлю! Знаю, все права у него на трон казанский, но Русь уже с Казани не уйдёт! Поэтому не волнуйся, Матушка-Царица, Утямыш здоров и разумен! Александром зовут его сейчас, в честь далёкого пращура моего, Александра Ярославича Невского! А он Александр Сафагиреевич! Ты, может, повидать его хочешь?

— Нет, Царь Иван! Раньше хотела, и сейчас хочу, повидать, к груди прижать, в глазки его заглянуть карие, но не могу уже! Не обижай его, царь Великий, ты мне обещал!

— Да, да, Матушка Царица, никто его не тронет, никому в обиду не дам! — Иван опять замолчал, поражённый видением. И вдруг страшная догадка поразила его. — Матушка—Царица, а ты зачем пришла-то? Не за душой ли моей часом?

Сююмбике как-то странно взглянула царю в глаза:

— Нет, царь Иван, не за душой! Не нужна мне твоя душа, живи... Не срок тебе сейчас помирать, жить и царствовать долго ты будешь... Только помни, Великий Царь, есть вещи хуже смерти!

— А что же хуже смерти, Матушка Царица?

— Жизнь твоя, самодержец Великий! Боятся тебя на Москве, Грозным прозвали, а на самом деле это ты боишься всех, в страхе вечном живёшь, трясешься, как осиновый лист на ветру. Бояр, домочадцев, слуг, детей, крымцев, ногайцев, османов, ливонцев — всех боишься, супостатами, злодеями считаешь! Всех подозреваешь, всех стравливаешь, не доверяешь никому. Нигде себя в покое не чувствуешь, а то ли будет ещё! Кругом — враги, враги, враги, а где же друзья-то, царь Иван? Где сподвижники державы Русской? Друзей нет, одни вассалы, покорённые войском да запуганные твоими людьми служивыми! Зла много сотворишь ты, многие не простят обид своих! Лишения ждут тебя, царь Иван, терять будешь там, где сеял, молиться, каяться будешь, а Бог твой не простит! Пророк Иса, Бог христианский, был справедлив и милосерден, любви учил, а ты жесток! Как в одной книге вашей сказано — «И будут живые завидовать мёртвым!»¹ Вот и ты будешь завидовать тем, кого погубил!

Царица замолчала, внимательно посмотрела на потрясённого Ивана Васильевича! Потом грустно молвила:

— Ладно, живи, Государь, строй державу свою Великую! А мне пора...

— Куда же ты, Матушка? Обратно в Касимов? — спросил царь.

Царица Казанская улыбнулась:

— В Касимов, к ненавистному Шигалею? Нет, царь Иван, пожалуй, что в этот раз подальше! Прощай, Великий Государь Московский! Вспоминай меня, беззащитную женщину, которую ты лишил всего! — образ царицы тихо растаял, растворился в утренней дымке.

На удивление лекарей, к обеду Иван проснулся совершенно здоровым, встал с постели, быстро надел царское платье и вышел из закрытой спальни. Подданные пали ниц, видя здорового самодержца, который вчера готовился отдать душу Богу. По пути в палаты Иван коротко бросил:

— Князя Курбского ко мне!

Курбский прибежал к царю, сломя голову!

— Слушаю тебя, Великий Государь!

— Андрей, что у нас с Царицей Казанской, не обижает ли её хан Шигалей? Какие последние новости с Касимова?

— Пока ты болел, Государь, новостей особых не было! Была жива, здорова Царица Казанская, тосковала только сильно по ханству своему, всё просила нового мужа Шигалея и стражу в Казань её отвезти!

— Срочно пошли гонца, князь Андрей, узнайте, что и как. Если что, на Москву её привезите, на пир ко мне, поговорим мы с ней, с сыном ей разрешим повидаться! Пусть хан Шигалей сопровождение даст ей до Москвы.

— Будет сделано, Государь! — Князь Андрей выбежал на двор.

Наутро следующего дня он как пуля ворвался к Ивану в покои.

— Государь Иван Васильевич, не вели казнить, вели миловать!

— Говори, что там у тебя!

— Вчера по слову твоему я гонца послал в Касимов, насчёт Царицы Казанской узнать, а он по дороге гонцов от Шигалея встретил! Прости, Надёжа Государь, представилась ко Господу Царица Казанская, Аллаху отдала душу свою!

— Ах, ты! — Царь Иван пригнулся, как будто получил сильный удар в живот. — Да как же это?

— Не знаю, Государь Великий, ничего внятного гонцы не говорят! В башне жила, в башне и преставилась! Если хочешь, Государь, давай дознание учиним, что и как произошло...

Потрясённый царь нахмурился и обмяк, рухнув на лавку у стены.

— Иди, Андрейка, учиняй дознание! — Иван Васильевич сделал князю раздражённый жест рукой: «Ступай прочь!», а сам подумал: «Это же душа её, душа приходила ко мне попрощаться!! Потому и говорила по-русски!!! Как же так?! Как же я забыл-то про неё среди дел государственных? Почему с сыном не разрешил ей повидаться? Что же я творю-то, червь, раб недостойный?! Господи Всемогущий, Иисусе Христе, прости меня, грешного!» Царь закрыл лицо руками. Слезы раскаяния покатались из глаз самодержца.

* * *

Печальное пророчество Блаженного Василия стало сбываться... Летом 1550 года, после прибытия Ивана из второго похода, в возрасте одного года умерла любимая дочка, первенец супругов Ивана и Анастасии Юрьевны, царевна Анна Иоанновна. 17 марта 1551 года народилась вторая дочь царя, Мария Иоанновна, которая умерла в возрасте полутора годков. Супруги достойно переносили невзгоды, стойко держались, молились, творили милостыню, как могли, утешали друг друга! Царь помнил про Ветхозаветную Книгу Иова: «Бог дал, Бог взял, да будет имя Господне благословенно!»¹ В октябре 1552 года, во время третьего, рещающего похода на Казань, царица родила долгожданного первенца и наследника престола царевича Дмитрия Иоанновича, названного в честь Дмитрия Ивановича Донского, победителя Поля Куликова.

После взятия Казани и чудесного исцеления от «огненной» болезни царь московский с семьёй поехал на богомолье в Кирилло-Белозерский монастырь, что на берегу Сиверского озера под Вологдой. Караван с богомольцами выехал из Москвы в мае 1553 года. Проехав через Троице-Сергиеву Лавру, Макарьев монастырь и Углич, государь по реке Шексне поднялся к Кириллову монастырю. Везде по пути следования царь подолгу разговаривал с настоятелями, простыми монахами и схимниками, жертвовал крупные денежные суммы, прикладывался к святыням. Везде душа царя алкала, просила Божьего милосердия, искала прощения за творимое зло.

Но на обратном пути в Москву на той же реке Шексне произошла страшная трагедия. Как струг причалил к берегу, старая нянька царевича, держа ребёнка на руках, не удержалась на шатких сходящих и рухнула в воду. Вместе с ней свалились и ближние бояре, шедшие на берег следом. Малыш при падении глотнул воды, и когда все выбрались на берег, вернуть к жизни его не удалось. Горе супругов было безутешным. «Бог дал, Бог взял...!» Скорбь по наследнику была по всей Руси Великой. Царевич был похоронен в Архангельском Соборе Кремля рядом с дедом своим, Василием III. Старая нянька, уронившая малыша, молча, безропотно ожидала смерти. Но царица, милостивая, предобрая Анастасия Романовна, укрощавшая, когда это было необходимо, вспыльчивый характер мужа, уговорила Ивана не казнить няньку, и её отправили из Москвы в Углич, в Богоявленский женский монастырь, основанный женой Дмитрия Донского, княгиней Евдокией, подальше от глаз грозного царя. После этого случая царь особенно приблизил к себе малыша Утямышша, который рос на его глазах в Кремле, следил за воспитанием, за обучением молодого царевича казанского. Третья дочь царя, Евдокия

¹ *Ветхий Завет, Книга Иова, Глава 1, Стих 20*

Иоанновна, умерла двух лет от роду в 1556 году. Были живы и здравствовали два царевича — Иоанн Иоаннович и Федор Иоаннович, царь велел ближним людям следить за ними «пуще прежнего, в сто глаз», чтобы исключить все опасности для жизни сыновей. А затем пришёл черёд самой царицы, Анастасии Романовны...

В то проклятое лето, в июле 1560 года, случился на Москве великий пожар... Загорелся Арбат, загорелись улицы московские, клубы чёрного дыма окутали столицу державы Русской. Народ московский стонал и бедствовал, кто лишился крова, кто — товара, кто — всего своего скудного имущества. Боярам хорошо, у них домов, как у зайца теремов, а каково посадскому ремесленнику? Вдобавок к огню налетел суховей, и всполохи огня прыгали от кровли к кровле, от дома к дому, не щадя жилищ знати и простого люда. Царь Иван отправил царицу с детьми и домочадцами в село Коломенское, а сам руководил тушением пожара, отважно заливал водой горящие строения, вытаскивал из огня больных и увечных, показывал своим боярам живой пример богоданного правителя. В конце концов, большой силой, навалившись вместе — бояре, дворяне, купцы, священство, простолюдины, все, как один — город удалось отстоять. Когда же Иван поехал к семье, в Коломенское, он увидел, что царица занемогла. Лучшие врачеватели Кремля срочно примчались и принялись лечить Анастасию Романовну, но тщетно, жизнь постепенно, по капле уходила из неё. Лекарь из учёных немцев как-то шепнул царю: «Похоже на отравление, Великий Государь! Сулема...»¹ В одно августовское утро, сжав руку Ивана в своей ладони, царица молвила: «Прощай, Ванюша мой любимый, сокол мой! Любила и люблю я тебя, единственного! Детушек наших береги!» и в последний раз закрыла глаза.

* * *

Огромная людская река шла по Москве через Красную площадь, Лобное место, через Кремль, в Вознесенский Девичий монастырь. Вой стоял над толпой, стоны и причитания! Провожая в последний путь любимую, предобрую царицу Анастасию Романовну, плакали все, вся огромная людская масса. Плакали и жались ко гробу своей благодетельницы убитые горем жители Москвы. Старушки крестились, читали псалмы и молитвы, ремесленники, купцы, служилые люди, нищие, малые дети с родителями — все были убиты вселенским горем. Впереди гроба с певчими и священством, размахивая кадилом, шёл митрополит Макарий. За гробом царицы безучастно шагал немой брат царя Юрий Васильевич, а двоюродный брат князь Владимир Андреевич Старицкий и юный царевич Казанский Утямыш, в крещении Александр Сафагиреевич, превратившийся к тому времени в худошавого чернявого отрока, под руки вели Ивана Васильевича Грозного. На некотором отдалении от гроба, позади разночинной толпы шли думные бояре, приказные дьяки и представители московской знати, древних княжеских родов: Адашевы, Басмановы, Воротынские, Воронцовы, Головины, Курбские, Мстиславские, Морозовы, Одоевские, Серебряные, Соковнины, Троекуровы, Шереметевы, Шуйские, Нагие. На Государя Московского было жалко смотреть, он то и дело спотыкался, ноги совсем не держали его. Лицо было мертвенно бледным от обрушившегося горя, волосы спутались, руки тряслись, силы то и дело покидали царя, и он падал на землю. Царь Иван рыдал и кричал, все тело его содрогалось! От царского плача люд московский ужасался! Когда царь падал, юный царевич Казанский под локоть поднимал его:

¹ Сулема — хлористая ртуть, получаемая соединением поваренной соли и ртути. При исследовании останков Анастасии Романовны Захарьиной-Юрьевой специалистами Бюро судебно-медицинской экспертизы Комитета здравоохранения города Москвы в 2000 году в волосах царицы была обнаружена значительная концентрация ртути и мышьяка

— Батя-государь, ты чего, батя-государь? Соберись с силами, батя! Вставай, вставай, иди надо! Иди надо, с государыней прощаться!

Царь Иван сквозь слёзы молвил Александру Сафагиреевичу:

— Они убили её, сынок-царевич, отравили, гады-бояре! Подлое племя боярское! Волки, агнцами¹ наряжающиеся! Отравили мою отраду, мою суженую, как и матушку мою сгубили, царицу Елену! Ну, подлые, погодите, ужо вам! Умоетесь слезами кровавыми!!! На дыбу всех!!!

Иван оглянулся назад и погрозил кулаком боярской делегации. Бояре содрогнулись, как от выстрела пищали над ухом.

Митрополит Макарий подошёл к государю и тихо сказал: «Прошу тебя, царь Иван, соберись, твёрд буди, весь люд православный на тебя смотрит! Похороним царицу, а потом с боярами разберёшься... Достоинство веди себя, Государь Иван Васильевич, вся Москва сочувствует горю твоему, оплакивает матушку нашу. Посмотри вокруг, сколь людей пришло проститься! Не для тебя одного, Государь Великий, для всех нас горе!»

Перед тем, как опустить гроб Анастасии Романовны в могилу, плачущий царь нежно погладил её по тёмным волосам, поцеловал сперва в лоб, затем в мёртвые уста и молвил: «Прощай, душа моя Настасьюшка, милая моя златошвейка! Много радости и горя мы с тобой испытали, женились, любились, детушек наших рожали, потом хоронили их. Почему же ты ушла от меня так рано, суженая моя? На кого меня оставила? Как же мне теперь жить-то без тебя?»

И, наклонившись ко гробу, царь молвил мёртвой жене на ухо:

— А за смерть твою, душа царица, отомщу я страшной мезтью! Дознание учиню крепкое, найду всех виновных! Небо им с овчинку покажется! Клянусь в этом перед гробом твоим и перед Господом нашим, Иисусом Христом!

Царь истово несколько раз перекрестился, призывая небо в свидетели своим грозным словом. Не получалось у него, по заветам любимого Блаженного Васи, быть добрым Пастырем, не понимали его ближние бояре доброты и сострадания, в желании быть ближе к власти и к имуществу, «к кормушке» творили непотребное, ничем не гнушаясь. Ожесточилось сердце царя Ивана Васильевича! И покатилося по Руси огненное колесо царского гнева, закружилась бесовская пляска опричнины, в прошлом растворились остатки боярской вольницы...

Ближние царевы люди, опричники², не только находили виновных, тех, кто воровал, кто хотел переметнуться к врагу, кто плёл интриги заговора против царской власти. Таких, мздоимцев, лиходеёв и предателей, на Руси всегда было предостаточно. Но при этом и много невинных попадало в адские жернова к царевым палачам. Как говорят в народе, лес рубят — щепки летят. Кто перечил царской воле, того казнили, кто говорил правду, тому вырывали язык. Кто указывал царю на беззаконие, тому выкалывали глаза... Князья и бояре отвечали головой за свой успех и карьерный взлёт, за близость к царю, за свои должности и имения! Любой, даже самый преданный царю человек, мог попасть в опалу и лишиться всего. «Справедливость — это я! — так думал царь Иван. — Не мне одному мучиться в этой жизни! Пусть знать московская, князья да бояре, страдают так же, как я страдаю! Не щадит, не жалеет, бьёт меня Господь, отнимает близких моих! И я также бить буду, и я отнимать буду!!! Ибо сказано в Писании: «...И от всякого, кому дано много, много и потребуется; и кому много вверено, с того больше взыщут»³.

¹ Агнец (библейское) — ягнёнок

² Опричник — телохранитель, человек, состоящий в рядах личной гвардии Ивана Грозного. Численность опричного войска достигала 6 тысяч человек. Военачальником опричного войска был Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский, более известный как Малюта Скуратов

³ Евангелие от Луки, Глава 12, Стих 48

Я есть Гнев Господень! Искоренять, выжигать измену на Руси! Гуляй по Москве, войско опричное! Мчитесь во все концы земли, псы царёвы, чёрная конница! Держитесь, злыдни царства Русского, враги Государя Московского, воры и предатели!»

ДЕВЯТАЯ МОГИЛА

Давно отгремели царские пушки, развеян пепел былых сражений... Была заново отстроена красивейшая Казань, псковские зодчие Барма и Постник постарались на славу, взметнулся в небо, высится Казанский белокаменный Кремль! В Казани была обретена величайшая святыня Земли Русской — Казанская икона Божьей матери, с которой после смерти царя Ивана Васильевича, в Смутное время, выгоняло русское ополчение ненавистных поляков из Москвы! Татары, новые жители Московского царства, всецело поддержали русскую сторону, много татарских воинов было в ополчении Минина и Пожарского! По одной из исторических версий, сам купец Кузьма Минин был крещёным татаринном Киришей Миннибаевым, сыном солеварщика Мины Анкудинова из Нижегородской губернии! Версию татарского происхождения Кузьмы Минина в середине 2000-х годов поддержали Председатель Совета Муфтиев России Равиль Гайнутдин и Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II! В ополчении 1612 года служили казанские, нижегородские, арзамасские, алатырские, курмышские татары! Славно бились они с захватчиками-ляхами и их прислужниками!

В новое, недавнее время была заново отстроена мечеть в Казанском Кремле, которая названа именем последнего имама Казанского ханства, храброго Кул-Шарифа... Вознесла свои небесно-голубые минареты к небу мечеть «Кул-Шариф»! Ширится и растёт белокаменная, светлая Казань на широкой реке, матери рек русских — Волге... Мирно живут русские, татары, представители других народов на благословенной земле Казанской!

Царь Иван правил долго и умер в 1584 году при невыясненных до конца обстоятельствах через более чем тридцать лет после взятия Казани... Отношение народа русского и других народов нашей необъятной Родины к царю Ивану сложное и почтительное. Образ грозного самодержца ярко выведен в искусстве, прозе и поэзии. Царя Ивана Васильевича любили, уважали и боялись. Любили за страдания его нечеловеческие, за то, что деток и жену любимую схоронил, за дружбу с нищими и убогими, за дарёные шубы с царского плеча, за справедливость царских наказаний для князей и бояр — мздоимцев! Было где правду искать простому человеку при царе Иване Грозном! Уважали Ивана Васильевича за достижения его, за то, что Державу расширил, сделал её преемницей Великой Орды, за то, что Поволжье и Сибирь присоединил к Руси, за созыв Земских соборов, «Стоглавого церковного собора», за первый в истории русской державы Судебник¹, принятый публично, представителями всех сословий. Уважали царя Ивана и за то, что не шёл наговор с иноземцами, не предавал державные интересы, везде поднимал стяг с двухглавым орлом, все народы, притесняемые и гонимые на Востоке и на Западе, брал под защиту свою крепкую! Боялись Ивана Васильевича за крутой на расправу нрав, за крайнюю жестокость, за вспыльчивость и импульсивность... Похоронен первый русский царь Иван Васильевич IV Грозный, наследник Рюрика, византийских императоров и темника Мамаю, в Архангельском Соборе Московского Кремля, в алтарной части, рядом с сыновьями своими, Иваном и Фёдором...

Доподлинная дата кончины последней Царицы Казанской неизвестна. Последний раз Царица Сююмбике упоминается в исторических источниках в январе 1554 года:

¹ Судебник — свод законов и уложений Ивана Грозного

тогда царь Иван Грозный хотел убедиться, что Сююмбике находится во здравии, и рекомендовал хану Шигалею принять в Касимове ногайского посла. Последнюю Царицу Казанскую любил её народ, её подданные, много легенд и преданий он сложил о любимой своей Госпоже! Нет в истории Казани фигуры более романтической, чем печальный образ царицы Сююмбике!

Одна из легенд гласит, что когда царь Иван Васильевич Грозный завоевал Казань, увидел он красавицу-царицу и посватался к ней. Царица Сююмбике поставила ему условие — выйду замуж, если царь построит за неделю в Казанском Кремле башню в её честь. Дал Иван Васильевич указание своим зодчим, и стали они строить, день за днём, камень за камнем! Через неделю высокая башня была готова. Поспросилась царица Сююмбике подняться на башню, чтобы в последний раз оглядеть родную Казань перед отъездом в Москву, взшла на самую вершину и бросилась вниз, отомстив жестокому царю за взятие любимого города! Аллах Милосердный, видя подвиг Царицы Казанской, превратил её в белую голубку, которая и по сей день летает над Казанью, над башнями Кремля, церквями и мечетями! Тоскует душа Царицы Казанской по своему родному городу! Полётом одинокой белой голубки изливается её печаль! Помнят эту красивую легенду жители славной Казани!

Касимовский хан Шигалей, верный союзник Ивана Грозного, умер в 1566 году, умер нелюбимым и бездетным, он погребён в родовом текие¹ в Касимове Рязанской области. Кто-то считает его позором и предателем татарского народа. Кто-то, наоборот, говорит, что заступался хан Шигалей за казанцев перед ликом Грозного царя, многим горожанам своим ходатайством спас жизнь в нелёгкую годину. В иных вопросах, особенно в вопросах жизни и смерти, ходатайство стоит дороже денег. В том же 1566 году скончался сын Сююмбике Утямыш-Гирей, в крещении Александр Сафагиреевич, умер по неизвестной причине, его похоронили в усыпальнице русских царей, в Архангельском Соборе Московского Кремля, в центре зала, рядом с прахом Великого князя Дмитрия Ивановича Донского и князя Юрия Васильевича, брата Ивана Грозного. Утямыш-Гирей похоронили на Руси с царскими почестями. До последних своих дней он носил официальный титул «Царя Казанского»!

Князь Андрей Курбский, ближний человек царя Ивана, разделивший с ним все тяготы Казанских походов, чувствуя на себе близость царского гнева и возможной расправы, вступил вговор с ливонцами, предал русского царя и весной 1563 года убежал в Литву, бросив в Москве жену и сына. За измену и ценные сведения о русском войске Великий Князь Литовский Сигизмунд Август передал во владение Андрею Курбскому обширные поместья в Литве и на Волыни: сёла, замки, земельные наделы, даже целый город Ковель. Уже осенью 1564 года князь Андрей Курбский начал воевать против русской армии, под его началом ливонцы нанесли русским несколько чувствительных поражений. Одновременно с войной Курбский вёл с царём Иваном Васильевичем Грозным оживлённую переписку. Бывшие друзья — полководцы вспоминали былое, спорили, упрекали друг друга, но так и не пришли к единому мнению!

Так уж заведено, что предают всегда самые близкие... Предают из страха, из корысти, предают из ненависти. Царь подозревал самых ближних людей своих, друзей и сподвижников, князя Андрея Курбского, окольничего Алексея Адашева и своего наставника, протопопа Сильвестра², в причастности к отравлению жены Анастасии Романовны. Могли ли реально приближённые царя отравить «предобрую царицу»?

¹ Текие — мусульманская усыпальница

² Сильвестр — русский православный священник, протопоп, наставник Ивана Грозного. После смерти царицы Анастасии Романовны в 1560 году попал в опалу, был сослан в Соловецкий монастырь, где скончался в 1566 году

Конечно, могли, из-за близости к царскому трону, из-за благ, которые даёт высокая должность и власть, из-за сохранения своего влияния на импульсивного Ивана Васильевича и политику Московского царства! О причастности Алексея Адашева к отравлению дала показания жившая в его доме польская служанка Магдалена. После признаний полячки совместное заседание Боярской Думы и Священного Собора Русской Православной Церкви осудило и отравило в ссылку боярина Алексея Адашева и протопопа Сильвестра. А затем, через несколько лет, под подозрение в соучастии попадёт и князь Андрей Курбский. Из ссылки ни Адашев, ни Сильвестр не вернулись, оба умерли, один в заточении, другой в монастыре. Князь Андрей бежал и пошёл на военную службу к злейшему врагу, стал воевать против своих, стал предателем.

Сохранившаяся переписка царя Ивана Васильевича с Курбским представляет собой образец «высокого слога» средневекового письма и характеризуется не только значительным набором исторических и военных сведений, но и большим количеством личных упрёков и обид, в частности, содержанием упрёка в отравлении царицы Анастасии Романовны: «А с женой моей юной зачем вы меня разлучили?»¹ Некоторые историки называют предателя Курбского первым диссидентом и «обличителем безумного русского царя»! Итог — князь Андрей Михайлович Курбский, Рюрикович из ярославской родовой ветви, герой Казанских походов, полководец и стратег, так и не вернулся на Русь, умер почти одновременно с царём Иваном Васильевичем, в 1583 году, в своём замке в селе Миляновичи Волынской области современной Украины. Знал Андрей Михайлович, что не простит его предательства Грозный царь! В настоящее время могила Курбского археологами так и не найдена. Наверное, чувствовал за собой вину предательства князь Андрей, и на Родину не воротился, велел похоронить себя тайно.

А где же на самом деле погребена последняя Царица Казанская? В Касимовском склепе есть безымянная могила. Русский исследователь В. В. Вельяминов-Зернов², в девятнадцатом веке изучавший надписи на остатках надгробий Касимовского мавзолея, пришёл к выводу, что в нём захоронены сам хан Шигалей, его жена Булак-Шад и ещё шесть их родственников. Но есть ещё одна могильная плита, девятая, и на ней нет никаких надписей. Существует предание, будто это могила Прекрасной Сююмбике, последней Казанской Царицы, выданной своими слугами русскому царю и сосланной в Касимов при присоединении Казанского ханства. Так неужели злобный Шигалей, не добившийся расположения красавицы Сююн, насильно выданной Иваном Грозным ему в жены, так возненавидел её, что даже на могильном камне не сделал памятной надписи?

Умерла Царица Казанская на чужбине, в Касимове, умерла от печали по сыну своему отнятому, отроку Утямышу, от тоски по любимому городу своему, славной Казани, по мужу своему, любимому, гордому Сафа-Гирею! Башня имени прекрасной Сююмбике высится в Казанском Кремле, является одним из главных символов Татарстана! А сама могила Царицы Казанской неизвестна, скрыта до времени. Почему это так — ведано лишь Богу-Вседержителю...

¹ Второе послание царя Ивана Грозного князю Андрею Курбскому

² Вельяминов-Зернов Владимир Владимирович (1830–1904) — русский историк, первый академик-востоковед из числа русских учёных, доктор турецко-татарской словесности

